

Стивен Гаррисон – Счастливый ребенок

Почему наши счастливые, жизнерадостные и любознательные малыши, получив образование, в большинстве случаев превращаются во взрослых, начисто лишенных этих качеств?

В своей глубокой и смелой книге педагог-практик С. Гаррисон призывает нас, взрослых, разделить с детьми радость познания мира, помочь им сберечь и развить свой творческий потенциал, а заодно сделать полнокровной и счастливой нашу общую жизнь.

Эта книга - для родителей, а также для многих взрослых, которые сами стали жертвой раздробленности нашего мира и современного образования.

The Happy Child. Changing the Heart of Education First Sentient Publications edition 2002

© 2002 by Steven Harrison © «София», 2005

© ООО Издательский дом «София», 2005

Предисловие

Во времена перемен те, кто учится, наследуют землю, а выучившиеся обнаруживают, что превосходно оснащены для того, чтобы иметь дело с миром, которого больше нет.

Эрик Хоффер

Мы не переставая спорим о том, как лучше учить детей. Но часто ли мы вспоминаем о целях этого обучения? Да, мы говорим о социальных обязательствах и подготовке ребенка к жизни во взрослом мире, полном труда и забот. Но мы слишком редко слышим о самом ребенке и почти ничего - *от* ребенка.

Похоже, все, на что претендует нынешнее образование, - это подготовить молодого человека к выполнению определенной роли в обществе. Безусловно, это полезно для общества. Но, среди забот о производительности труда, не теряем ли мы более глубокого смысла и более высокой цели образования? Не забываем ли мы об уникальности детской Души, этого неповторимого и хрупкого недолговечного проявления пылкой и целостной жизни?

Эта книга предлагает совершенно по-новому взглянуть на цели образования, она посвящена фундаментальной перестройке всего процесса обучения. Можно ли изменить нынешнюю модель образования, напоминающую штампование винтиков экономического механизма, так, чтобы она больше походила на активный эксперимент по развитию творческих способностей? Мы настолько увлеклись обучением наших детей, что забыли о том, что самая суть образования ребенка - это созидание его счастливой жизни. Ведь именно счастливая жизнь - то, чего мы от всей души желаем и своим детям, и себе.

Счастливый человек, простыми и естественными отношениями связанный с друзьями, семьей, соседями, человек, нашедший свое призвание, скорее всего, будет жить полезной для окружающих жизнью и вместе со всеми создавать ткань вполне эффективной общественной системы. Чего еще может потребовать здоровое общество от своей системы образования, кроме того, чтобы она помогала людям быть счастливыми? Разве мы хотим для наших детей чего-нибудь иного, кроме счастья?

Но, похоже, мы слегка побаиваемся этого самого счастья. С помощью образования нас давным-давно отлучили от такого состояния, превратили в набор навыков и хранилище информации. Наше образование предназначалось не столько для нас, сколько для удовлетворения потребностей рыночной системы. Но в детях от рождения заложена способность к творчеству, и, к счастью, эта способность наследственная: мы вполне можем

унаследовать ее от наших детей.

То, о чем я хочу с вами поговорить, не связано с исследованиями детского поведения или изучением восприимчивости ребенка. В книге не цитируются ученые труды, а научная теория образования упоминается лишь вскользь. Хотя книга посвящена тому, как с помощью воспитания и обучения делать детей счастливыми, мы стремимся доказать, что способностью быть таковыми и учиться дети наделены от рождения. Избыток специалистов и их теорий лишь мешает раскрыться этой способности.

Эта книга представляет собой попытку понять, можем ли мы вырастить детей с учетом желаний их родителей, сверстников, семьи и общества, но при этом без вмешательства нивелирующей и отупляющей системы, которую сегодня называют образованием. Мы увидим, что для того, чтобы всесторонне воспитать ребенка, нужно принимать во внимание все стороны жизни.

Хотя на последующих страницах я постоянно говорю о детях, их творческих способностях, книга предназначена не для детей. Им не нужна ни эта, ни какая-либо другая книга о том, как следует учиться. А вот родители, воспитатели, учителя и вообще взрослые, в чьи обязанности входит забота о детях, явно испытывают трудности с тем, чтобы доверить детям учиться в их собственном ритме, на их собственный манер и в избранных ими самими условиях. Возможно, эта книга будет полезна и тем молодым людям, которые уже вышли из детского возраста и начинают прокладывать себе путь в этой жизни, но все еще несут на себе груз, взваленный на их плечи неправильной системой образования.

Книга возникла из раздумий и бурных дискуссий во время основания живого обучающегося сообщества - «Живой школы» в городе Боулдер, штат Колорадо. Занимаясь созданием этой принципиально новой образовательной среды, мы решали самые сложные вопросы, связанные с воспитанием ребенка, его обучением, самостоятельностью и приобщенностью к реальной жизни. Тогда мы со всей очевидностью поняли, что, к каким бы выводам мы ни пришли, сколь бы великолепные образовательные модели - от вальдорфской до саммерхиллской - ни взяли на вооружение, задачи, стоящие перед нами, ведут нас в земли неизведанные.

Поначалу это выбивало нас из колеи, и мы испытывали потребность подвести под свои исследования солидную теоретическую базу. Но вскоре мы с восторгом поняли, что едва ли не определяющим качеством, которым мы пытаемся наделить учебную среду для наших детей, является непротивление незнанию.

Незнание - это проявление неистового любопытства, свойственного ребенку. Дети чувствуют себя абсолютно в своей тарелке, непрерывно обучаясь, тогда как мы, взрослые, нередко испытываем потребность поставить точку. Ни точки, ни начала в процессе обучения нет.

Хотя существует здание, которое мы называем школой, вовсе не оно является ядром нашего обучающегося сообщества. Можно сказать, что нас объединяет понимание того, что все мы, старые и молодые, принимаем участие в открытом исследовании окружающего мира всеми доступными способами и в любом доступном нам качестве. Отношения, связывающие нас друг с другом в процессе наших исследований, оказываются еще и отношениями величайшего счастья.

Очень многие из тех, кто имеет дело с детьми, в высшей степени недовольны качеством современного образования. Но гораздо больше среди нас тех, кто не испытывает особого дискомфорта по поводу нынешней школьной системы, потому что срослись с ней. В конце концов, большинство прошло через эту систему и считает ее единственно возможной. Но о том, как обстоят дела, мы судим не по родителям и прочим взрослым, а по детям, которые просто искрят творческими импульсами, испытывая ко всему живейший интерес, и которые, получив образование, становятся взрослыми, начисто лишенными этих качеств.

Но существует ведь и другая возможность, когда та самая естественная

любопытность и любовь к жизни, которые свойственны нам в детстве, остаются с нами навсегда. Будучи людьми, мы с рождения умеем воспринимать жизнь такой, как она есть, и в то же время преобразовывать ее при помощи своего природного творческого дара, который совершенно естественно возникает из открытости, внимания и сочувствия. Дети с первых дней наделены этой способностью. Что, если мы позволим им пронести ее через всю жизнь? Что, если мы доверимся воплощенной в ребенке жизненной потребности - жить совсем не так, как мы? Что, если мы, обладая силой и знаниями об этом мире, дадим им безопасность и защищенность, не требуя при этом, чтобы они понимали жизнь так, как мы? Что, если мы дадим им свободу, уважение и ответственность, соразмерные их действительным способностям? Что, если мы разделим с ними бесконечную жажду новых знаний и общения?

Наш мир постоянно ставит перед нами сложные задачи, и приходится признать, что у нас нет на них четких и ясных ответов. Все, чем мы можем похвастать, - это рабочие гипотезы, сдерживающие мероприятия, временные решения и множество оправданий. Определенных и неизменных решений у нас нет. Однако мы обладаем могучим ресурсом, на который почти не обращаем внимания. Как это ни удивительно, мы почти полностью вытравили его из наших общественных институтов и руководящих организаций. У нас есть человеческий потенциал, способный обеспечить творческий подход к решению любых жизненных задач, - потенциал, соответствующий новым аспектам жизни и бытия, порожденным пытливым умом и всеобъемлющим со-знанием.

Если решения сегодняшних проблем все же существуют, то они, скорее всего, будут представлять собой ничем не стесненное и целостное самовыражение неравнодушного, разумного и искреннего человеческого существа - счастливого ребенка, выросшего в сердечного, сознательного, интеллектуально богатого взрослого. Взрослого, который не лицемерит, владеет своим разумом, но не позволяет разуму владеть собой, и ощущает свою сопричастность всему, что его окружает.

Счастливый ребенок

Учеба и счастье

Маленький мальчик пришел из школы домой и пожаловался матери: «Я завтра туда не пойду: читать я еще не умею, писать тоже, а говорить они мне не разрешают».

Книга о счастливом ребенке была бы гораздо короче, если бы наш мир населяли счастливые взрослые. В здоровой среде ребенок может почувствовать себя счастливым легко и непринужденно. Но ведь и другие состояния у детей возникают с не меньшей легкостью. Окруженные давлением и конфликтами, они быстро приспосабливаются к подобным обстоятельствам. Поэтому все разговоры о счастье ребенка в первую очередь касаются мира, в котором этот ребенок обитает. Ну а все решения в сфере образования ложатся на плечи взрослых, создающих условия для учебы.

Всякий ребенок рожден для того, чтоб быть тем, кем он должен быть. Казалось бы, это само собой разумеется. Однако, по мнению воспитателей, ребенка нужно формировать, готовить, обучать. Все это выглядит так, будто дети изначально не имеют собственной духовной силы, заслуживающей такого же уважения, какое привычно оказывается взрослым.

В своей одержимости заботой о детях мы начинаем «конструировать» их чуть ли не с пеленок. Школа с шести лет нас уже не удовлетворяет, и мы продолжаем этот логический регресс в подготовительную школу, дошкольное обучение, младенческое воспитание, ультразвуковое исследование плода и дородовой генетический анализ. Мы верим, что все эти ухищрения помогут нам сотворить идеальное дитя. Но представим, что нам удалось бы пройти этот путь до конца, - признали бы мы полученный результат идеалом? Можно ли назвать совершенством мини-я - рукотворный управляемый гомункул? И не совершенен ли

сам ребенок? Таков, каков" он есть. Ведь подобно взрослому, ребенок обладает изначальной экзистенциальной способностью созидать разумную жизнь из вихря эмоций, мыслей и действий.

Ответ на эти вопросы, в сущности, и определяет точку зрения на образование детей. Те, кто видят в маленьком человеке нечто от рождения ущербное и беспомощное, вечно нуждающееся в руководстве и одергивании, считают, что образование - это способ превратить ребенка из того, чем он является, в то, чем он должен быть. Менее прямолинейные родители полагают, что ребенок не ущербен, однако нуждается в прививании и культивировании неких важных ценностей, - точнее, ценностей родительских.

Увы, все мы, взрослые, «должны чем-то быть», и никогда не достигаем в этом совершенства. Свое чувство неудовлетворенности мы с легкостью прививаем детям, производя их в адепты культа несчастливости, ищущие успокоения в материализме.

Но если все же допустить, что дети не ущербны от рождения, то не тайна ли они? Не можем ли мы присоединиться к ним в поисках непознанного в их жизни и хватит ли у нас мужества признаться, что мы тоже окружены загадками?

И речь идет не о том, чтобы изменить их или себя, а о том, чтобы наслаждаться ошеломляющими открытиями, уготованными жизнью для всех нас. Мы не можем научить наших детей пить жизнь полной чашей, потому что знание жизни не передается по нашей воле. Но дети, если их не останавливать, схватывают все на лету - особенно если они видят, что взрослые вокруг них непрерывно учатся.

Итак, вопрос о счастливом ребенке превращается в вопрос о счастливом взрослом. Но где же еще нам - взрослым и детям - искать счастья, как не в совместном радостном путешествии по жизни - путешествии с открытыми глазами!

Воспитание целостного ребенка

Если (человек) полагает, что целое состоит из независимых фрагментов, то именно так и будет функционировать его разум. Но если он может связно и гармонично соединить все в неделимое, безущербное и безграничное целое, то и разум его будет склонен оперировать подобным же образом. Отсюда вытекает целостность и упорядоченность действий.

Дэвид Бом

Что означает воспитать целостного гармоничного ребенка? На первый взгляд, ответить на этот вопрос не составит труда. Чтобы разобраться в том, каким должен быть целостный ребенок, достаточно взглянуть в то, частью чего он является: в целостных родителях, целостную семью, целостное общество. Увы, такие родители, семьи и общества встречаются довольно редко. И то, и другое, и третье по большей части фрагментированно, беспорядочно и неработоспособно. Наша задача состоит в том, чтобы для каждого ребенка найти такой способ общения, который помог бы ему стать целостной личностью даже в этом столь фрагментированном мире.

Существующие педагогические системы исходят из того, что внимание ребенка нужно *удерживать*. Но разве ребенок настолько несовершенно? Разве он изначально не несет в себе любознательности, творческих способностей, желания общаться - всего того, за что так борется система образования? Разве с самого начала дети не стремятся учиться что-то делать, не накапливают информацию и не общаются куда эффективней взрослых?

Говоря о воспитании целостной личности, нужно иметь в виду все ее стороны, а не только интеллект. Простое расширение школьной программы путем включения занятий

языком, математикой, искусством не решит проблемы воспитания. Конечно, мы можем сказать, что хотим взрастить в ребенке интеллектуальные, эмоциональные, физические и даже духовные составляющие. Но даже такого набора качеств не достаточно для описания целостной личности. Мы забываем о непостижимой врожденной, генетически обусловленной предрасположенности ребенка и об удивительной гибкости детского мозга. Нужно воспитывать ребенка во всем многообразии его способностей, соприкасаясь сразу со всеми его качествами, а также совершенствовать способы взаимного общения ребенка с миром.

Целостный ребенок похож на эпицентр сложной паутины, сотканной из разнообразных сигналов и реакций. Учить ребенка делить на части, измерять при помощи чисел и «раскладывать по полочкам» живую неделимую жизнь - это значит учить его ограничивать свои способности вместо того, чтобы развивать их. Такое ограничение под личиной образования было вполне уместно в давно ушедшие времена с их нуждами, но вряд ли оправдано в нашу эпоху. Ведь сегодня человеку, чем бы он ни занимался - от управления небольшим коллективом до решения глобальных экологических проблем, - приходится уметь осознавать взаимосвязь уже не отдельных «кирпичиков» мироздания, а разнообразных сложных и живых систем. Устаревшее фрагментарное образование больше не в состоянии удовлетворить всевозрастающую потребность в умении управлять невиданными прежде потоками информации, постигать природу межкультурных конфликтов и справляться с проблемой истощения природных ресурсов - от нефти до пресной воды. Этим потребностям может удовлетворить лишь качественно новое, целостное воспитание детей.

Нынешняя система образования родилась во времена перехода от аграрного общества к индустриальному и была, по сути, предназначена для переобучения крестьян в промышленных рабочих. Потому-то традиционная легенда, которой мы продолжаем тешить себя в связи с государственным образованием, гласит, что если мы дадим образование своему ребенку, то у него появится возможность добиться успеха в жизни. Именно через образование дети получали доступ к участию в экономическом процессе. Оставив ферму, переехав в город, можно было найти рабочие места и ресурсы.

В стремлении смягчить тяготы фермерской жизни, получить выгодные удобства города или пригорода, молодые люди обменивали относительную независимость и самодостаточность фермы на зависимое положение наемного рабочего в городской экономике. Облегчить этот переход и было призвано широкомасштабное государственное образование.

Наша система образования, подобно нашей экономике, *производит продукт*. И этот продукт - работник промышленного производства. Такова историческая роль государственного образования. И надо воздать ему должное, независимо от того, несло ли оно знания людям или просто нивелировало и подчиняло личности, это образование создало рабочую силу, которая приводила в действие огромную экономическую машину на протяжении целого столетия.

Но вот что производит эта система теперь - работника грядущего информационного века? Или, может быть, бесполезный рудимент прошлого? Нужен ли нам по-прежнему промышленный рабочий или наша система образования должна научиться производить на свет нечто иное?

Нужна ли современному обществу личность, наученная не думать, а вбирать информацию, чтобы затем выдавать ее на-гора? Дети, которых мы учим сегодня, станут взрослыми через десять-двадцать лет. И будут ли они, напичканные давно устаревшей информацией, обладать навыками и способностями, необходимыми в том будущем мире, опережающем нынешний лет на двадцать? Какова будет цена работнику, умеющему только поглощать и отрыгивать информацию? Очевидно, что компьютеры справятся куда лучше - они уже сегодня делают это быстрее нас. От человека потребуются не информация, а умение

ею пользоваться.

Итак, заглядывая в будущее наших детей, мы понимаем, что гораздо полезнее надуманных псевдофактов вчерашнего дня для них окажется умение обращаться с информационными системами нового времени. И чувствовать себя как рыба в воде в таком будущем сможет лишь тот ребенок, которому сегодня дают возможность изучать разнообразные источники информации, учиться понимать ее значение и приобретать навыки ее обработки и преобразования.

Смешно и грустно, что сами дети, если им не мешать, стремятся именно к такому знакомству с информацией. Они отрываются от этого занятия, только когда родители принимают суровые меры: отводят в школу, заставляют сидеть смирно, затыкают рот, принуждают слушать и запоминать отдельные фрагменты знания. Информацию на вход, информацию на выход - все как в компьютере. Только вот компьютеры-то принимают и передают информацию быстрее и с большей точностью. К тому же не нуждаются в сне, перерыве на обед или отпуске.

К счастью, существует то, что отличает ребенка от компьютера и отнюдь не сводится к способности хранить информацию. Человеческий интеллект целостен. Он способен не только воспринимать биты информации, но и устанавливать между ними взаимосвязи. Но вот учим ли мы этому в школе? Разве можно научить этому там, где двенадцатилетний ребенок сидит в обществе одних только двенадцатилетних и изучает одну только геометрию? Причем государство требует, чтобы соответствующий тест продолжался от звонка до звонка - ровно пятьдесят минут? Неужели ребенок таким вот образом изучает взаимосвязи всего сущего? Или он все-таки привыкает изучать информацию, отвлеченную от всего сущего? Учим ли мы ребенка мыслить, задействуем все его возможности, или просто преподаем ему ограниченный набор знаний преимущественно рассудочного характера? Так стоит ли удивляться, что дети нередко чувствуют себя в подвешенном состоянии? Ведь мы сами прививаем им подобную оторванность, отдавая предпочтение одной узкой области знания перед всеми остальными.

Но давайте рассмотрим и другую возможность. Представим себе ребенка как целостную личность - ребенка, который пусть и не завершил еще своего развития, но легко ориентируется в собственных мыслях и ощущениях, пылливо исследует свои внутренние и внешние способности, остро чувствует социальную среду, в которой живет. Давайте же создадим для таких детей благоприятную атмосферу, подарим свободу выражать себя и доверим ответственность за их обучение им самим. Давайте организуем для них учебные сообщества, в которых ученик будет сам руководить процессом своего образования без нажима со стороны, без угроз или убеждений - чтобы в класс ребенка приводил интерес, а не принуждение, чтобы он нес ответственность за свою учебу и располагал свободой, естественно вытекающей из этой ответственности. А кроме того, давайте вместе с детьми исследовать жизнь во всех ее проявлениях, иначе мы перекладываем на детские плечи остатки своих былых страхов.

Дети сами заявляют о своих образовательных потребностях. Нужно только не мешать этому, давая авторитетом, прибегая к устрашению, а то и неприкрытым угрозам насилия. Если мы позволим детям самим управлять своим обучением, то такое самоуправление само по себе станет частью воспитания. К сожалению, в условиях современной школы, где информация насильно впиливается в пассивных учеников, это в принципе невозможно.

Способность к самоуправляемому обучению заметна у самых маленьких детей невооруженным глазом. Но когда дети становятся чуть старше, у них помимо интересов развиваются еще и умственные способности, достаточные для того, чтобы подвергнуть сомнению наши истины. Вот тут-то как раз и приезжает большой желтый школьный автобус, который забирает детей от нас.

Многие родители с готовностью отправляют своих чад куда подальше, сами отбывают в другом направлении, и пути их почти не пересекаются. Это большая загадка - куда исчезают дети, куда исчезают родители и что творится у них дома, пока те и другие отсутствуют.

Идея отправлять детей в некое богоугодное заведение, где их будут учить посторонние люди по программам, составленным политиками и высоколобыми теоретиками, сама по себе столь несуразна и оторвана от реальных потребностей ребенка, что остается только удивляться, как она ухитрилась воплотиться в жизнь. Почему мы позволяем так поступать с нашими детьми? Многие из нас соглашаются в надежде на то, что это пойдет им на пользу. Другие возражают, протестуют, но отступают под угрозой штрафа или тюрьмы. В конце концов, позволяем же мы отправлять куда подальше самих себя - убываем на службу, где вверяемся чужому попечению. Так отчего же нам видеть в подобной участи что-то дурное для своих детей?

Мир, в котором мы живем, несет на себе печать раздробленности. В нем все раздроблено - организации, где мы работаем, наши школы, наше общество. И тем не менее мы должны найти способ воспитать целостного ребенка, который сможет без страха войти в будущее, который будет способен мыслить и принимать решения в нестандартных и ответственных ситуациях.

Ребенку нужна наша любовь, поддержка, мудрость, отраженная в нашем образе жизни, работе, в нашем общении с людьми. Вряд ли мы принесем пользу детям, если не уясним прежде своей собственной раздробленности. Возможно, мы были как раз такими детьми, которых на желтом школьном автобусе отправили зазубривать факты и цифры, получать похвалы и наказания, сдавать экзамены и участвовать в общественных мероприятиях. И как же мы, продукт отвлеченного образования, собираемся руководить своими детьми, чтобы дать им образование целостное? Мы ведь даже толком не знаем - уж так нас учили - что такое целостность.

Пока ребенок в восемнадцать лет не обретет самостоятельности, родители удовлетворяют его основные материальные потребности. Таковы наши обязанности, ведь мы дали ребенку жизнь и взяли на себя ответственность за него. Мы связаны узами родства, а потому заботимся о детях материально - кормим, одеваем, предоставляем крышу над головой. Нужны ли мы в каком-либо ином качестве детям школьного возраста? Нужны ли мы в качестве посредников для восприятия мира?

Мы хотим для своих детей всего самого лучшего. Хотим защитить их от неудач и поражений, увеличить их шансы на счастье и успех. Но знаем ли мы, что нужно для этого делать?

Мне нередко приходилось слышать, что детям одаренных родителей нужны особые условия развития. Что же тогда получается? Если я считаю себя одаренным родителем, то резонно ожидать, что мое чадо тоже одарено, что оно пойдет по моим стопам и ему понадобится все то, что всегда было нужно мне. Без сомнения, мы, родители, одарены все без исключения! И мы с трех лет принимаемся учить ребенка играть на скрипке, чтобы он начал пораньше. «Ты должен достичь всего того, чего достиг я!» (А часто, увы, и того, чего я не достиг). Такое насилие - первая предпосылка нездоровых взаимоотношений с ребенком.

Но откуда же ребенок узнает о существовании скрипки, если его с ней не познакомить? Если скрипка вдруг оказывается под рукой, это нельзя назвать навязыванием. Иное дело, когда в придачу к ней каждый четверг в три часа на сцене появляется учитель музыки и вы, отбивающий ногою такт в ожидании, когда у ребенка проснется интерес. Ожидание превращается в принуждение. Ребенок открывает для себя не скрипку, а одни лишь родительские ожидания.

Но ведь возможно и обучение без принуждения. Оно происходит в среде, которая чутко откликается на поведение ребенка, когда ученик приобретает знания без конкретных руководящих указаний. Дети интерактивны, они общаются и постоянно впитывают информацию. Простой акт открытого восприятия и искреннего, непосредственного отклика, который не освобождает ребенка от ответственности, но и не давит на него авторитетом, пробуждает к жизни все его возможности. И важна здесь не столько информация, концепция или навык, сколько само взаимодействие, поиск общего языка в общении. Как показывает опыт, это не так уж мало: этого оказывается достаточно.

Подготовка неудачников

Детство умирает, и его труп называют «взрослым». Этот труп «входит в общество» - так у нас деликатно называют ад. Вот почему мы боимся детей, даже если любим их: они показывают нам степень нашего раз- ложения.

Брайан Олдисс

Неудача - это не только неотъемлемая часть успеха; нередко она таит в себе больше возможностей чему-то научиться, чем везение. Обычно путь к успеху пролегает через неудачи, поэтому наше отношение к ним во многом определяет нашу судьбу.

Как вообще происходит осознание личной неудачи? Покопайтесь в собственном опыте, чтобы понять, как именно вы узнаете о своих недостатках. Слушаетесь ли вы чужих голосов, которые сообщают вам о том, хороши вы или плохи, правы или неправы? Или ваш собственный внутренний голос говорит вам, что вы «недоотягиваете»? Такой анализ поможет вам понять, насколько это важно - позволить ребенку развить своё собственное ощущение неудачи и успеха, смысла, интереса и ценности происходящего.

Мы с ранних лет - порой кривя душой - хвалим ребенка, чтобы побудить его вести себя так, как мы хотим. А когда исследование жизни подталкивает ребенка к поступкам, которых мы не одобряем, часто лишаем его своей эмоциональной поддержки. Ребенок очень быстро начинает понимать, как оценивает его поведение взрослый. Тут-то как раз все просто. Малыш рано узнает, что мы хотим, чтобы он рисовал на бумаге, а не на обоях, позднее - что нам нравится или не нравится его одежда, музыка, друзья, манеры и так далее. Все это ребенку ясно вполне. А вот что действительно сбивает многих детей с толку, так это то, что им не дают возможности понять, что же нравится или не нравится *им самим*, что может целиком завладеть *их* любопытством и энергией. Взрослые редко дают ребенку возможность осознать, что для него означает неудача, поэтому многие дети, повзрослев, так и не успевают понять, в чем суть успеха.

Забавно, но именно те, кто добивается в жизни многого, привыкли оценивать свои успехи или неудачи только по внешним признакам - школьным отметкам, достижениям в работе, доходу. Увы, те, кто слишком хорошо поняли, как добиваться внешних признаков успеха, могут так никогда и не узнать, в чем же состоит внутреннее воздаяние. Обучаясь ценить внешние проявления успеха, мы рискуем так никогда и не испытать счастья. А вот те дети, которые терпят неудачи, получают возможность выяснить, какие же внутренние качества делают их счастливыми - ведь внешних атрибутов успеха они не видят. Но неужели ребенку, для того чтобы понять, что такое счастье, так уж необходимо проходить через сито заранее предписанных понятий об успехе и провале, получать внешние награды и терпеть внешние же неудачи?

Дети, если предоставить им возможность самостоятельно исследовать мир, способны обнаружить свои пристрастия - те виды деятельности, которые позволят в полной мере проявиться их жизненной энергии. Это проявление мощное, убедительное, творческое и -

стоит ли удивляться - счастливое. Что за поразительная штука - счастливый ребенок! Почему мы мешаем этому? Почему мы считаем себя вправе становиться посредниками между другим существом и его собственным сердцем? Ну да, они - дети, а потому мы можем делать это, если считаем нужным. Мы больше, сильнее и пути власти ведомы нам гораздо лучше. Но зачем мы берем влюбленных в жизнь детей и делаем из них взрослых, вынужденных искать счастья?

Если бы не вмешательство всемогущих взрослых, которые определяют, что такое успех и неудача, которые настраивают детей друг против друга, заставляя их конкурировать в борьбе за воздаяния в виде внимания, похвал и статуса, то смысл неудачи для ребенка был бы совсем другим. Реакция среды обитания - это всего лишь одна составляющая неудачи; только один фактор, уравниваемый соображениями внутреннего характера, которые творческая душа ребенка страстно стремится понять.

Для влюбленного в жизнь ребенка неудача не является чем-то навязанным ему извне. Это нечто, связующее внутреннее стремление и внешний отклик в единое целое. Не-Удачу могут определять внешние факторы: неудавшийся опыт по химии, никем не понятая картина, отвергнутая попытка общения. Она может быть и явлением внутренним: утратой интереса к тому или иному замыслу, неспособностью освоить музыкальный инструмент или выразить себя в стихотворении. Но такая неудача не является поражением. Она не требует перемены образа поведения или достижения какого-то определенного результата. Понять, чем является для ребенка неудача, - это значит понять, что представляет собой сам ребенок. Ведь для этого нужно постичь значение и роль его интересов, приобретенных навыков и врожденных способностей применительно к его жизни. Неудача неразрывно связана с успехом - подлинным успехом целостной личности, а не набором приемлемых для общества правил поведения. Каждый ребенок, каждая личность жаждет найти эту целостность в себе и в своих отношениях с окружающим миром. Когда же эта потребность наталкивается на неодолимые препятствия, происходит разрушение души, после чего остается оболочка личности, сотканной из одних компромиссов, и пустое сердце.

Нам, взрослым, в свое время не предоставили возможности разобраться в своих глубинных детских устремлениях. Всё, чему мы научились, - это либо подчиняться, либо быть непослушными. Наше общественное лицо формировалось под влиянием поощрений и наказаний, присущих господствовавшей методике обучения и воспитания. Сегодня, когда мы, попробовав себя там и сям, докопались наконец до истины, открывшейся нашим разбитым сердцам, мы можем сделать одну простую вещь. Мы можем дать нынешним детям шанс заглянуть в свое сердце, понять его устремления и жить в соответствии с ними. Мы можем дать этим детям шанс терпеть неудачи и добиваться успеха исходя из своего собственного понимания, самим измерять внутреннюю и

внешнюю реакцию на свои устремления. Это - возможность исцелить и наши разбитые сердца, собирая осколки в единое целое. Простое действие, состоящее в том, чтобы позволить детям просто быть, способно изменить' самую суть образования.

А кто учитель?

Три преподавателя бродили по лесу и наконец вышли на дорожку. «Это олень протоптал», - сказал первый. «Да нет же, это лось», - сказал второй. «А я уверен, что это зубр», - сказал третий. Они все еще продолжали свой спор, когда их сбил поезд.

Многие преподаватели постигали науку о том, как учатся дети, или сидели рядом с теми, кто ее постигал, или уж по крайней мере на лекциях по теории педагогики слушали мудрствования о том, как учатся дети. Только бунтари, новаторы и мечтатели выходили за рамки теории и заглядывали в детские жизни, спрашивая детей, как они учатся и что для них

означает учение. Для большинства же преподавателей контакты с детьми, к сожалению, начинаются только *после* того, как они в течение долгих лет обучаются тому, как нужно учить, а перед этим в течение еще более долгих лет - тому, как «надо» учиться.

Не удивительно, что в образовании так редки новаторские идеи. Педагогическая теория - давно устоявшийся набор весьма специфических положений о процессе обучения - не в состоянии сформулировать что-либо новое, свежее, коренным образом отличающееся от того, что есть. Технология обучения закоснела в самой себе. Новаторство, экспериментирование и любознательность - сама соль обучения — не входят в репертуар официальной системы образования. Под воздействием научных институтов, корпоративного финансирования, педагогической литературы, консультантов и политических потреб образование превратилось в помесь социальной инженерии и откровенного манипулирования детьми, которых превращают в подопытных кроликов. Последствия всего этого катастрофичны. Мы видим не только ухудшение грамотности и снижение общего уровня развития молодых людей, но и рост насилия, напрямую связанный с провалами образования. Такие «результаты» давно привели бы к банкротству любую фирму, но образовательный бизнес — многомиллиардное предприятие — продолжает расти, порождая все новые и новые проблемы из-за своей некомпетентности.

Родителей постоянно сбивают с толку стоящие за учебными программами запутанные, иногда просто безумные теории, предметом которых становится их ребенок. Некоторые родители пытаются разобраться в образовательных системах и сделать от имени своих детей разумный выбор. Но разумности этой часто мешает поглощенность родителей собственными тревогами и страхами по поводу того, чего они хотят для своего ребенка. Не отдавая себе отчета в таком проецировании, родители переносят на ребенка собственные нереализованные мечты. Чем раньше эти мечты воплотятся, тем лучше, — так думают они. Будем учить даже грудных младенцев: ставить им в колыбели записи Моцарта, крутить по утрам фильмы о юном Эйнштейне. А если после дня такой учебы они не смогут уснуть, то на помощь придет метод Фарбера, который подскажет родителям не обращать внимания на крики ребенка — а там, глядишь, дитя утомится и замолчит само. Ох уж это родительское стремление к совершенству, страсть к достижениям, конкуренция за ресурсы, страх, что мой ребенок чего-то не осилит, что *я сам* этого не осилю.

Из беспокойного младенчества ребенок переходит в беспокойное детство, перегруженное занятиями и заданиями. Стоит ли удивляться, что дети не выдерживают, сдаются, сходят с дистанции, оценивают себя по результатам контрольных и джинсам от модельера, общаются при помощи пейджеров, мобильных телефонов и электронной почты, завязывая мимолетные знакомства, поглощая быстрые обеды в Макдоналдсе и проживая скоротечные жизни. Всему этому их научили в школе и дома. Они знают, что должны быть быстрее и лучше - точнее, что они недостаточно быстры и хороши. Некоторые научились быть жестче, другие привыкли сдаваться. Лишь очень малое число детей, щедро наделенных здравым смыслом и верой в себя, усвоили, что они вполне нормальны, каковы бы они ни были и что бы ни делали. Этому небольшому числу детей повезло — они учились медленно, то есть вообще не научились учиться так, как их заставляли. Они учились естественным образом.

Как выглядит процесс обучения с точки зрения ребенка? Детский подход не имеет ничего общего со сбором знаний как таковых. Для ребенка обучение — это результат исследования, движимого любопытством. Сбор информации не является самоцелью, а становится полезным сопутствующим процессом. Собранные сведения можно использовать как инструмент для дальнейшего исследования.

Любопытство обладает одним загадочным свойством. Его трудно вызвать у ребенка, но легко уничтожить. Детей интересуют вещи, о существовании которых мы давно забыли. Им любопытно знать, как устроены самые обычные предметы и что находится внутри них.

Мы даже не задумываемся над тем, что представляет собой начинка телефона, а ребенок не пожалеет времени и сил, разбирая на части этот привычный для нас предмет, разглядывая детальки, играя с ними.

Точно так же детей живо интересует взаимодействие с окружающим миром. Они тонко чувствуют властные структуры и находят способы на них влиять. Подобная социальная смекалка помогает детям быть начеку по поводу тайных соображений взрослых и вовремя изменять свою реакцию, чтобы управлять ими. Эта игра сводит на нет усилия множества плохо продуманных учебных сообществ, в которых учитель якобы преподает детям какую-то информацию, тогда как на самом деле дети лишь делают вид, что участвуют в процессе. И даже в таких ситуациях любопытство побуждает ребенка продолжать исследование: что произойдет, если я буду сотрудничать, что произойдет, если не буду, если я отвечу правильно, если неправильно и т. п.

Учитель нередко настолько увлечен задачей передачи информации, что сия педагогическая мания становится главной целью его отношений с ребенком. Ребенок, прекрасно это понимая, может нащупать способ потрогать учителя, тогда как сам предмет остается делом второстепенным.

Преподаваемый учителем урок ничуть не трогает ребенка. Да и с какой бы стати? Большинство предметов - нечто настолько отвлеченное и далекое от жизни и интересов детей, что шансы пробудить хоть малейший интерес к ним невелики.

Мы с рвением обучаем малышей алфавиту и всегда радуемся, если они могут отчеканить нам в ответ названия букв. Но для маленьких детей буквы и их названия имеют лишь один смысл: дети понимают, что родителям или учителю эти буквы почему-то нравятся и что взрослые хотят, чтобы и ребенку они тоже нравились. Поэтому ребенок и «интересуется» - на самом деле это означает, что он хочет угодить учителю или родителям.

Нам приходится вознаграждать таких детей, восхищаясь их сообразительностью, когда они повторяют алфавит, правильно называют предметы, а затем учатся и читать их названия. Но мы совершенно не учитываем, как все это выглядит с точки зрения ребенка. Дети ведь расстраиваются, когда мы пеняем им за незнание или - того хуже - нерадивость. Ребенок может решить, что таким способом мы лишаем его своей любви.

Конечно же, дети и сами проявляют любопытство к буквам, цифрам и чтению. Но знаем ли мы, что они при этом чувствуют? Буква может представлять собой некую любопытную конфигурацию, при ее произнесении может необычно изменяться звук, она может быть связана с огромным количеством других предметов (А - арбуз), вовлекая ум и руку в захватывающий танец творчества и воспроизведения. Для ребенка буква может быть чем угодно, но для взрослого она - лишь элемент в системе символов, из которых мы создаем слова на бумаге. Остальные детские ощущения представляются нам не столь важными, коль скоро ребенок в состоянии узнать, назвать и записать этот символ. Теперь от ребенка можно потребовать, чтобы он научился читать и записывать сочетания букв.

Обучаясь, дети все лучше понимают, что является важным по мнению учителя. Поэтому буквы и для них становятся просто буквами - частью системы символов, называемой письменной речью. Затем дети узнают, что быстро учиться - хорошо, что быть правым - важно, что одни дети сообразительнее других (а другие глупее), что умение подавлять свои чувства и мысли (по крайней мере, определенные мысли) весьма высоко ценится. Возможно, ребенку «повезет» вырасти в еще более прогрессивной атмосфере, где считается правильным не учитывать очевидных различий между детьми, где предпочтение отдается групповой динамике и подавляется инициатива отдельных личностей, где энтузиазму предпочитают сдержанность, и частью культуры является порицание дурных мыслей и поощрение хороших. Но чаще всего ребенок вырастает посреди всего спектра

одобряемых и порицаемых образов поведения. Успевающий ребенок усвоит урок, воспримет положительное поведение. А ребенок неуспевающий - это тот, кто перенимает неприемлемое поведение. То ли потому, что не видит для себя успешного будущего, то ли из-за того, что не в силах столь кардинально изменить свои природные наклонности. Оба типа детей пройдут курс обучения и будут искать свое место в жизни через усвоенные способы поведения.

Многие ли учителя знают об этом макропедагогическом явлении? Понимают ли они, что любой школьный предмет на самом деле используется лишь как средство успеха или неудачи в социальной структуре школы? Все учителя, независимо от предмета, который, как им кажется, они преподают, на самом деле обучают одному - человеческим взаимоотношениям. Дети и в самом деле побольше хотят знать друг о друге, и возможность общаться становится единственной причиной, по которой они мирятся со школой.

Возможно, поначалу они смотрели на своих учителей с надеждой узнать от них что-нибудь об отношениях между людьми, но слишком многие учителя бубнили им что-то о географии или делении столбиком. Так что дети перестали искать у взрослых ответы на волнующие их вопросы и обратились друг к другу. К сожалению, сплошь и рядом такое обращение происходит слишком поздно: модели поведения уже ввелись в плоть и кровь и просто проигрываются друг перед другом - болезненные и деструктивные модели, насильно втиснутые родителями и учителями.

И тем не менее именно другие дети остаются для ребенка основным источником общения, информации, познания законов социальной среды и, по существу, образования. Увы, мы пренебрегаем этим ресурсом, ограничивая общение школьников друг с другом. Разговоры между детьми считаются нарушением порядка, в то время как это - самый естественный способ человеческого самовыражения и определяющий признак нашего вида. Мы сортируем детей по возрасту, лишая прирожденных наставников - старших детей - восхищения со стороны младших и чувства ответственности за них. Детская тяга к общению не зависит от возрастных различий, но мы ограничиваем ее при помощи в высшей степени странной насильственной идеи классной комнаты. При этом мы теряем многочисленную и мощную когорту динамичных, вдохновенных и весьма плодотворных Учителей, каковыми являются сами дети.

Детей учит все то, что для них интересно, что находится в их непосредственном окружении и напрямую связано с их внутренним миром.

Ну а *кто* же тогда учит детей? Ребенок учится у всех и у всего, что его окружает, не упуская ничего: родители, общество, учителя, ровесники - всё это часть целого, всё - источник обучения. Ребенка учит всё то, что присутствует в его целостном мире - как внутреннем, так и внешнем. И когда в этот мир вступает учитель, вышедший из собственного такого же мира, когда каждая из сторон полностью увлекает другую страстью к познанию чего-то по-настоящему интересного, обучение происходит потому, что присутствуют ученики, а учителей нет.

Образование и страхи

Учеба без страха

Маленький мальчик пришел домой с запиской от учителя, в которой говорилось, что он лишен любознательности. Мать, прочтя записку, конечно же, расстроилась. «Нужно, чтобы у тебя была любознательность. Я в тебя вобью эту любознательность. Заставлю круглые сутки сидеть над учебниками, но ты у меня будешь любознательным», - сказала она.

«А что такое любознательность?» - спросил ребенок. «Отстань со своими

вопросами!»

То, как мы учимся, во многом похоже на то, что происходит с нами в новой ситуации: мы впитываем впечатления и перерабатываем информацию. Полноценное обучение невозможно без соединения двух этих действий.

Можно столкнуться с чем-то новым, но так ничего о нем и не узнать. Можно, наоборот, получить какую-то информацию или даже овладеть техническим навыком, не являясь участником реального опыта. Но изучение фрагментов опыта - это отнюдь не то же самое, что изучение собственно опыта.

Полноценное обучение по своей природе целостно и разносторонне. Фрагментарное же обучение, при котором мы изучаем лишь некоторые части целого, - однобоко. В лучшем случае оно вводит нас в заблуждение, а в худшем - если мы не подозреваем о его фрагментарности - может быть даже опасным. Опыт человеческого познания хранит достаточно повергающих в дрожь примеров разгула несовершенного знания, преподносимого как непреложный факт.

Наша культура помешана на чудесах технологии, поэтому мы склонны отдавать предпочтение деятельной части образования, ведущей к увеличению производительности труда. Вполне логично, что и наша педагогика делает упор на технику обучения и информацию, жертвуя при этом как пониманием сути, так и сведением полученного опыта в единое целое.

Предприятия вполне успешно производят товары и услуги, совершенно не заботясь о том, что и для чего они делают, и тем более не задумываясь о своем высшем предназначении. Наука, движимая потребностями экономики и академическим интересом, не утруждает себя попытками взглянуть на себя со стороны, чтобы проверить свою связь с окружающей жизнью. А деятели образования, на которых воздействуют те же рыночные законы, руководят своими учениками так, словно в производительности спасение человечества, а благо государства является наивысшей ценностью.

Мы так мало знаем о процессе обучения потому, что учились в основном из чувства страха. Чему мы в конечном счете научились, так это искусству выживания.

В школе мы поняли, что правильный ответ - это хорошо, а неправильный - плохо, и если мы знаем правильный ответ, то будем сидеть в первом ряду, а если нет - лучше сесть сзади, где легче спрятаться.

Это бы еще полбеды, но мы узнали, что правильный ответ существует. Нас так научили, и мы в это уверовали. К сожалению, наличие правильного ответа подразумевает существование множества неправильных ответов. Очевидно, что шансы дать неправильный ответ намного выше, чем правильный. И потому многие из нас слишком хорошо усвоили: лучше уж прятаться на задней парте, поскольку шансы отнюдь не в нашу пользу.

Вся эта концепция правильных и неправильных ответов с высоты сегодняшнего дня выглядит несколько абсурдной, но в свое время она представлялась нам вполне разумной. Логично предположить, что информация надежна, и если ты ею овладел, то тебе что-то известно. Без сомнения, ты что-то знаешь, вот только полезность этого нередко очень быстро сводится к нулю. Я научился пользоваться логарифмической линейкой, я узнал, что ядерная энергия является экологически чистым заменителем угля, что Советский Союз - огромное государство и множество других фактов и навыков, которые были правильными, а теперь неверны, сомнительны или устарели.

Как же так получается, что стимулом к учению становится страх? Сталкиваясь с новыми обстоятельствами и не понимая, что они собой представляют, мы стремимся что-нибудь о них узнать. Если под давлением страха нам это удастся, мы увеличиваем свои шансы на выживание. Теперь мы можем попытаться изобрести какой-нибудь безопасный

способ поведения, например понять, когда нужно слушать и как реагировать, чтобы выйти сухими из воды. Мы моделируем то, что должно произойти, исходя из уже имеющихся знаний. Так, если мне известен ответ, который нужен учителю, я поднимаю руку. Если я не знаю ответа, то руки не поднимаю. Если я знаю, что обычно происходит в той или иной ситуации, я могу рисковать смелее.

Но почему же мы учимся из страха, а не из любопытства? Ведь мы можем очутиться в новой ситуации, которая покажется нам чрезвычайно интересной. Тогда мы станем бесстрашными ее исследователями, изучая все стороны того, с чем столкнулись. Но почему же обычно мы делаем подобные вещи из страха? И почему мы непременно хотим, чтобы наши дети учились так же, как учились мы?

Маленькому ребенку еще не успели внушить никаких теорий, и он изучает мир из любопытства. Он познает любую ситуацию, общаясь с ней непосредственно, бесстрашно совершая ошибки. В свое время ему придется узнать, что существует нечто, называемое «неправильно». Но для ребенка «неправильно» не является синонимом психологической неудачи. С его точки зрения он всегда прав, ведь каждый его ответ, даже если он неверен по существу, - это ценный опыт. Ребенок учится. Он познает мир.

Неужели невозможно '15 125'⊠□□

либо другим? Можно ли найти что-нибудь такое в нашей жизни, нашей культуре, наших школах, что своим богатством притягивает нас, требует, чтобы мы все глубже и глубже исследовали его? Мы можем назвать этот феномен любопытством. Мы можем назвать его энтузиазмом. Это побудительная сила всех наших поступков. Она отражает то, что происходит в наших сердцах, и не предполагает ни оценки, ни суждения.

Казалось SJi, нелепо анализировать процесс обучения, движимый любопытством, и привлекать внешнего арбитра для его оценивания. Но таковы реалии нашей школы и ее властной структуры: оценки здесь ставит учитель, а не ученик. Рынок образовательной системы весьма странен: это рынок монополичный, где производитель оценивает клиента, а не свободный рынок, в условиях которого низкопробные товары не находят покупателей.

Нынешней системе образования присуща определенная структура ценностей. В наших школах математика и умение писать считаются вещами гораздо более важными, чем музыка, искусство или такое в высшей степени неприемлемое времяпрепровождение, как тихое созерцание, грезы наяву. Занятия по математике проводятся каждый семестр каждый день в каждой школе, потому что математика ценится высоко. А резьбе по дереву детей вообще не учат. Нет и уроков философии. И уж конечно нет занятий по педагогике: мы слишком заняты образованием, чтобы задумываться над тем, что оно собой представляет.

Кто же заправляет процессом оценивания и что происходит с теми, кто не попадает в высшую категорию? По сути дела, мы говорим ученику: «Качества, которыми ты обладаешь, ничего не стоят. А вот то, чему научу тебя я, ценится высоко. И если тебе удастся постичь то, что я преподаю, ты станешь ценным. Если же нет - ты будешь никому не нужен».

Оценки - это некий код, говорящий обо всем этом и еще кое о чем. Мы принимаем эту интеллектуальную сортировку, поскольку она позволяет эффективно отбирать способных и отсеивать неспособных. Это помогает организовать социальную структуру нашего общества. Если вам нравятся эти структуры нашего в высшей степени конкурентного общества, то вы, надо думать, сторонник и системы оценок. Все очень просто: небольшой процент населения наверху, значительно большая его часть в середине, а остальные неудачники - внизу. Эта кривая отражает статистическое распределение оценок, последовательно и безупречно производящее на свет небольшое число победителей, массу середнячков и некоторое количество изгоев общества. Халтурщики социальные инженеры и научные тузы, создавшие эту систему, присвоили себе за нее высшую оценку, тогда как на самом деле получили бы низшую, если бы только кто-нибудь пожелал разобраться в происходящем.

Однако есть и другая возможность: ценить детей такими, каковы они есть, и поручить им самим направлять ход своего обучения и по-своему себя оценивать. А затем - ради проверки этой оценки - демонстрировать кому-нибудь другому уровень своего овладения предметом. Ведь все мы время от времени хотим получить представление о своих успехах. Если ученик, сам руководящий процессом своего обучения, захочет поступить в колледж, то в его распоряжении будет множество способов продемонстрировать, достоин он этого или нет, в том числе и конкурсный отбор. Желание продвигаться в выбранном направлении повлечет за собой и желание соответствовать установленным для абитуриентов требованиям.

Отказ от принудительного, назойливого выставления оценок приведет к тому, что ученики, которые чуть менее сообразительны или отличаются своеобразными интересами, не потеряют желание учиться. Уничтожение системы оценок возвращает свободу обучения личности, которой больше не нужно по команде потреблять информацию и по команде ее выдавать.

Такая учебная среда не мешает учащемуся задержать свое внимание на чем-то новом для себя, ощутить это соприкосновение полнее и изучать свой опыт не торопясь, понимая, что он собой представляет и как им можно воспользоваться. Учеба становится невообразимо сложной и прекрасной.

Но любой жизненный опыт предстает совершенно в ином свете, когда нам

рассказывают, что он собой представляет, растолковывают его значение и наставляют, что мы можем и чего не можем с ним сделать. Для ученика такой опыт мертв, поскольку мы подаем его лишь как информацию, полностью теряя сложность и увлекательность процесса полноценного, основанного на энтузиазме обучения. За владение информацией можно выставлять отметки, за энтузиазм - нет.

Когда опыт преподносят как некую подлежащую запоминанию концепцию, отношение к нему может быть только прикладным или функциональным - целостное личное усвоение его уже невозможно. С точки зрения производительности труда, школе ничего другого и не надо. Рабочим не нужна душа - только функциональное обучение. Различие между комплексным активным обучением и зазубриванием ни у кого не вызывает сомнений. Но сегодня, увы, это важно только для самого ребенка, а не для общества.

В самом деле, разве не важно, чтобы каждый ученик занял полезное место в обществе? И что ужасного, если какой-нибудь учитель скажет, что мне не следует рисовать лиловых лошадей? Ну, разве от этого умирают? Ну, не стану я художником, выучусь на инженера. Наверное, обществу инженеры нужнее, чем лиловые лошади. Даже ненавидя технику, я буду заниматься ею ради денег, а по вечерам приходить домой и малевать своих лошадей. Обществу нужны мосты, компьютеры и машины.

Но неужели общество важнее, чем реализация личности? Может ли быть у общества душа, если школьным насилием и принуждением лишать души его граждан?

Приходится признать, что наше общество не может позволить реализовать себя всем желающим, ведь тогда было бы слишком много поэтов и художников. Счастливые люди вовсе не обязательно хотят работать. Поэтому обществу нужна система, которая возводит какой-то процент на вершины, а какой-то опускает вниз. Должен же кто-то крутить гайки на заводе? Стало быть, приходится не только оказывать на людей экономическое давление, а еще и выбивать из них всякий интерес к жизни.

В сущности, современная система образования была почти в неизменном виде пересажена на нашу почву из Пруссии XIX века. В то время пруссаки проиграли войну Наполеону. Положение их было критическим: они должны были либо заговорить по-французски, либо заставить свой народ ходить строем. Прусские солдаты не слишком хорошо сражались: вероятно, они чересчур много думали о бессмысленности сражений как таковых. Суть прусской системы образования отчасти состояла в том, чтобы выработать покорность, но самое главное - она должна была подавить проявление творческих способностей, так подровнять мозги молодых людей, чтобы они беспрекословно подчинялись властям и как можно меньше думали.

Как заставить граждан встать в строй? Нужно уничтожить индивидуальные интересы и заменить их подчинением государству. Безусловно, автократические системы очень эффективны - даже в системе образования. Прусская система была хорошо организована, и ее плоды были легко измеримы. Скоро она вошла в моду и была перенесена в нашу страну, где со временем развилась в систему государственного образования. Ничего общего с обучением эта система не имеет - она скорее выбивает из ребенка интерес к знаниям. Ее цель - подчинять детей воле государства и производить рабочих. Прусская система XIX века служила еще и для того, чтобы отбирать из числа учеников небольшое количество лидеров, подавляющую массу воспитывать для служения лидерам, а из остальных - необучаемых - готовить рабочих. Цель системы состояла в том, чтобы сортировать детей для нужд государства. А государство, конечно же, существовало для блага элиты, которая и придумала эти школы.

Те, кто могут сидеть в первом ряду и давать правильные ответы, поднимутся наверх. С их точки зрения система работает превосходно, и они будут продолжать поддерживать ее, пока занимают свое привилегированное положение. С точки же зрения будущих рабочих, поэтов - всех тех, кто требуют нестандартного подхода в обучении, кто ущемлены,

озлоблены, сбиты с толку, - дело обстоит несколько иначе. Они становятся заложниками культурной системы, принцип которой гласит: «Ты не можешь делать то, что тебе нравится, но можешь делать что-нибудь такое, что позволит тебе выжить».

Это устраивает общество. Но устраивает ли это людей? Устраивает ли это детей? Устраивает ли это всех нас? Ведь общество в конечном счете - это соглашение между всеми нами.

Для ответа на этот вопрос оглянитесь на свою жизнь и скажите, способствовало ли полученное вами образование развитию ваших наклонностей. Помогло ли оно обрести вам большую свободу, полнее реализоваться, проявить свои глубинные качества? Или вы просто выживали в школе, как теперь выживаете в жизни? Привыкли ли вы сидеть на заднем ряду, отвечать только тогда, когда уверены в правильности ответа, браться за работу только для того, чтобы оплачивать счета, и выживать в одиночестве, крутя баранку взятого в кредит автомобиля и возвращаясь в свой заложенный-перезаложенный домишко? Возможно, вы были средним учеником, и вас подготовили для средней жизни. Или же вы были блестящим учеником, но надломилась под давлением обстоятельств? А если вы не принадлежите ни к одной из названных категорий, то не стараетесь ли вы по-прежнему изо всех сил доказать свою принадлежность к первому ряду?

Экзамены, экзамены

Единственным свидетельством правильности процесса обучения является счастье ребенка.

Мария Монтессори

Все эти тесты и экзамены для детей - вещь абсолютно неправильная, однако ставшая столь неотъемлемой частью обучения, что даже трудно представить, с какого конца подойти к решению этой проблемы. А ведь экзамены - это самая настоящая *проблема*.

Экзамены - это большая проблема, поскольку огромные средства тратятся на оценку успехов системы народного образования, в то время как эти деньги могли бы быть с пользой употреблены для других целей.

Тесты и экзамены и вправду позволяют довольно четко разделить учащихся на социо-экономические группы. Кроме того, они выявляют тех, кто знает, как сдавать экзамены, и тех, кто этого не знает. Ну и наконец экзамены делят учеников на тех, кто знает данный конкретный материал, и на тех, кто его не знает. Так что же в них плохого? Разве экзамены не дают количественной оценки полученного объема знаний? Разве они не позволяют администраторам и учителям корректировать учебные программы? Разве они не помогают выявить школы, которые не справляются со своими задачами?

Несомненно, все это так.

И несмотря на культурное разращение, состоящее в предоставлении форы детям из богатых семей, и на бессчетные часы, затрачиваемые на подготовку к экзаменам и их сдачу, эта система работает как задумано.

Серьезный недостаток экзаменов заключается в том, что *они ничего не дают детям*. Подвергаемые этой процедуре дети испытывают страх, волнение, скуку и апатию. При этом экзамены не имеют никакого отношения к потребностям самих детей.

Являясь инструментом в руках политиков, бизнесменов и педагогов, экзамены никак не помогают тем школам и детям, которые не справляются с обучением. В самом деле, если чувствуется, что нужна помощь, то почему бы просто не помочь? Экзамены ничего не делают *для* детей, но они кое-что делают с детьми: превращают их в статистические данные, навешивают на них ярлыки, подвергают стрессу и унижению в связи с возможной неудачей.

Экзамены совершенно не связаны с восприятием материала. Не связаны они и с преподаванием. Они никак не связаны ни с одним конкретным ребенком, не способствуют благополучию, творчеству, радости.

Экзаменов никто не любит - ни родители, ни учителя, ни сами дети. И тем не менее одержимость экзаменами постоянно усиливается, как будто «больше» может быть лучше там, где было бы лучше «ничего».

Количество школ, где тесты и экзамены составляют основу образовательного процесса, растет, и они завладевают душами и умами все большего числа детей. Но у системы тестирования есть одно слабое место. Ей необходимы *мы*, - мы должны о ней печься, верить в нее, бояться ее.

А что, если мы не будем этого делать?

Что, если мы скажем: «Хватит!» Что, если мы откажемся от экзаменов, просто откажемся финансировать экзаменационную систему и перестанем принуждать наших детей участвовать в этом безобразии? Экзамены подобны ночным кошмарам: они исчезают, когда мы перестаем их бояться, когда мы позволяем своим детям не обращать на них внимания, когда мы отказываемся от концепции, которая давно устарела.

Качество обучения определяется не экзаменами, а взаимодействием тех, кто участвует в процессе и кто может ответить на один простой вопрос - это, если хотите, тоже своего рода экзамен. Вот этот вопрос: «В чем разница между ребенком и статистикой?»

При воспитании целостного ребенка экзамены излишни.

Если школьная среда строится на необходимости экзаменов, то ученик просто приспособливается к процедуре их сдачи, и они в конечном счете превращаются в проверку самого этого умения. Экзамены не могут показать, умеем ли мы пользоваться полученными знаниями в жизни. Как можно проверить знания детей - ведь знания эти так разноплановы? Экзамены не позволяют увидеть, что дети знают; они показывают лишь то, чего они не знают.

Детей учат не экзамены, детей учат люди.

Когда я писал эту книгу, меня пригласили прочесть лекцию по теории педагогики выпускникам большого университета на Среднем Западе США. Тема доклада была «Образование, направляемое учащимся». Я полагал, что эти студенты специализируются по педагогике и тема лекции их очень заинтересует. Поэтому я с большим нетерпением ждал встречи с молодыми педагогами - мне хотелось узнать их мнение. Но перед самым началом мне стало известно, что присутствовать будут студенты, которым это нужно всего лишь для галочки: по программе они должны прослушать определенное количество часов лекций по гуманитарным предметам. Так что никакого интереса у моих слушателей не будет - разве что отсидеть часы, не особо утруждаясь.

Я оказался в очаровательной ситуации. Читать лекцию студентам, которые не испытывают ни малейшего интереса к тому, что я собирался рассказать об обучении, основанном на интересе. Я даже не был уверен, найдется ли у меня что сказать людям, которым безразлично, что я говорю. Следует ли мне пробуждать их интерес при помощи развлекательных приемов? Илия должен просто отчитать свое, смирившись с тем, что нахожусь в аудитории университета, в котором никто никогда не спрашивал студентов об их интересах? Что было делать - подойти формально или все-таки добиваться участия аудитории?

Как и многие мгновения нашей жизни, момент начала доклада имел свое собственное и весьма любопытное содержание. Сама аудитория со всей ее сложной динамикой, иерархическими структурами, вошедшим в кровь отсутствием интереса и напускной любознательностью, состояла из студентов, бывших продуктом многих лет педагогической обработки. Вот они-то и стали предметом моего интереса.

Несмотря на принятые нами роли - я (преподаватель и авторитет) и студенты (с их придуманными для себя характерами - кто клоун, кто заносчивый всезнайка, кто демонстративно-мрачный сторонний наблюдатель) - мы начали рассматривать природу педагогики.

Вот какими словами начал я лекцию в тот день: «У нас сегодня будет довольно необычная лекция. Сначала мы проведем небольшой тест. Вот он. Можете ли вы заглянуть сейчас внутрь себя! Что вами движет! Чего вы сейчас боитесь! Можете ли вы понять, что вас интересует! Можете ли вы понять, чего вы хотите! Смысл теста - определить, кто вы. Это всё. Можете ничего не записывать. Больше ничего не будет. Вам это интересно!»

Большая часть аудитории вдруг поняла, что невольно заинтересовалась темой нашего разговора. Мои вопросы стали их вопросами, когда мы принялись исследовать тупиковую ситуацию, в которой оказались в тот день: природа интереса и его отношение к обучению; бесплодность стимулирования интереса при помощи собственной заинтересованности; проблема обучения тех, кому не интересно; ценность скуки как своеобразного питомника для развития творческих способностей; и, наконец, почему любознательные дети вырастают в таких апатичных студентов. Аудиторию не интересовала педагогическая теория, их вообще не интересовала никакая теория. Как и все люди, они интересовались тем, что их окружает в жизни, в том числе и в лекционном зале. Взаимодействие, чистосердечие, любознательность - все это помогло нам найти друг друга, прикоснуться друг к другу (пусть лишь на несколько мгновений) и заново открыть все еще жизненно важную суть образования.

Обучение и поведение

Школа насильно выхватывает детей из мира, наполненного тайной божественного творения и богатством человеческой личности. Это - муштра, отказывающаяся принимать в расчет индивидуальность. Это - фабрика, придуманная специально для того, чтобы выпускать стандартный продукт.

Рабиндранат Тагор

Внутреннее желание - самый главный побудительный мотив к учебе. Может ли ребенок научиться хоть чему-нибудь без внутренней потребности? Конечно, используя политику кнута и пряника, можно силой заставить ребенка вести себя определенным образом. Но можно ли силой заставить учиться, а не просто изменять поведение?

Если в лабиринт посадить крысу и награждать ее едой за поиски выхода, то научится она чему-нибудь или просто изменит свое поведение? Есть ли четкая грань между дрессировкой и обучением?

Исследователи могут и не заметить различия. В конце концов бюрократия от образования столь давно и прочно связана с теориями поведения, что нет ничего удивительного в том, что она не видит особых различий между дрессировкой и обучением, между крысой и ребенком.

Оперативное кондиционирование и эффективные модели образования, способные обучать кого угодно, независимо от наличия или отсутствия интереса, - вот то величие нового мира, которое встретило поколение демографического взрыва. Примером абсурдности столь механистического, холодно-рационального подхода к человеку была идея воспитания грудных младенцев в специально продуманных ящиках, которые реагировали бы на нужды ребенка таким образом, чтобы постепенно изменять их, формируя потребности и характер.

Этот образ мышления оказал весьма глубокое воздействие на педагогические концепции. Если человека можно разложить на поведенческие компоненты, а поведением манипулировать, изменяя его в полезном направлении, то особой разницы между дрессировкой и обучением нет. Для социального инженера такая система просто идеальна. Тогда и цель образования становится предельно ясной: из сырого материала, каким являются малые дети, создавать приличных граждан с высокой производительностью труда.

На деле же, однако, объектом манипуляций не хочет быть никто. Этого не любят ни крысы, ни дети. Непокорные крысы не придумали ничего лучшего, как сбегать при малейшей возможности и размножаться в геометрической прогрессии. Ну а дети - именно потому, что по своей природе они великолепные ученики, наделенные огромными творческими способностями и душой, - изобретают самые разнообразные способы избежать педагогической обработки.

Они бунтуют, отвлекаются, не делают того, что от них ожидают, но ошарашивают чем-нибудь сверх ожидания, увиливают, уходят в сторону и т. д. и т. п. Школы принялись выявлять подобные реакции и на каждую из них отвечать соответствующей программой, курсом лечения, наказанием, наградой. В конце концов культура школьной системы превратилась в неудобоваримую мешанину противоречивых намерений. Уже не ясно, кто кого воспитывает. Понятно лишь, что порочна основа, на которой все строится. Хуже того, система образования все меньше и меньше отвечает требованиям жизни.

Все это не может нас не смущать. Это недоумение, пожалуй, является одним из наиболее здоровых наших переживаний, ведь благодаря ему мы теперь в меньшей степени подвержены влиянию, которое в свое время оказала на нас школа. Но это смятение является и причиной новых наших страхов.

Мы боимся, что в школе, где дети будут вести себя свободно, воцарится анархия. Если детям позволить следовать своим наклонностям, то на чем будет держаться мир? Представьте, что мы и есть такие дети. Как усмирить наши поползновения? Если мне нравится твой свитер, то почему я просто не могу отобрать его у тебя? Если я сильнее, то почему бы мне не столкнуть тебя с дороги? Не станет ли наш мир похож на тот, что описан Годдингом в «Повелителе мух»?

Так вот, мы можем ничуть этого не бояться, ведь это *уже произошло*. Мы уже живем в этом самом мире, которого боимся. Этот мир и есть мир взрослых. Наши страхи давно стали явью, и мы не можем от них убежать, потому что должны воспитывать детей.

Как же воспитать целостного ребенка в том мире, который мы имеем сегодня? Не возникнет ли хаос, если мы доверим обучение детей *самим детям*? Да, он и в самом деле возникнет, если мы предоставим детям такую возможность, не привив чувства ответственности и взаимозависимости. Чтобы дать учащимся возможность самим направлять процесс своего обучения, школьное сообщество и все, что с ним связано, должно быть проникнуто чувством **взаимной ответственности**.

Люди - животные общественные, ими движут отношения друг с другом. Каждая группа создает структуру в общей ткани. Эталкань становится богаче, если участвуют в ней все. Во всяком случае, право такого участия должно быть у каждого.

Человеческие взаимоотношения гораздо интереснее, чем само по себе «я». Дети начинают понимать это в самом раннем возрасте. Как мне с тобой подружиться? Если я возьму твою игрушку, ничего хорошего не получится: ты уйдешь от меня или начнешь со мной драться. В любом случае, такие отношения не из самых приятных. Взаимоотношения с другими детьми - вот то, что движет ребенком, и большинство его поступков - это исследование свойств этих отношений.

Жажда взаимоотношений может быть сильнее жажды власти. Если принять это во внимание, то ни о какой анархии говорить не приходится - разве только мы установим над детьми такой жесткий контроль, что полностью разрушим их взаимоотношения друг с

другом. Единственная анархия, которая может установиться в небольшой школе с ученическим самоуправлением, - это анархия чистого либерализма, где свобода абсолютна до тех пор, пока она не нарушает права других.

Любопытно, как будет формироваться структура самоуправляющейся учебной среды, основанной на отношениях между учащимися? Возникнут ли ее элементы просто из хаотического движения энергий или будут выкристаллизовываться на основе общих интересов и стремления к более эффективному их удовлетворению? Как свидетельствует опыт, такая политическая структура школьного сообщества становится неотъемлемой частью образования, потому что ученики незаметно для себя вовлекаются в процесс ее создания.

Почему же тогда практически во всех школах, за исключением тех немногих, в которых управление демократическое, структура школьного общества имеет принципиально тоталитарный характер? Она представляет собой централизованную управленческую вертикаль с вкрапленной в нее притворной демократией. Ученический совет решает, как организовать танцы, но большего ему никогда не доверят.

Можно ли ожидать, что человек, прошедший подобную обработку, найдет свое место в демократическом обществе, если весь его предшествующий опыт свидетельствует о том, что управляют сильные? Разве эти молодые люди, получив когда-нибудь такую возможность, не захотят тоже стать сильными? Не создаем ли мы одно за другим поколения людей, стремящихся властвовать над себе подобными?

Но есть и другая возможность. Ведь если не создавать в среде обучения искусственных властных структур, мы придем к власти отношений. Чтобы «подписывать» такие соглашения, какие нужны мне, необходимо иметь достаточное количество «связей». В подлинной демократии власть зиждется на глубоких отношениях между людьми, на способности к общению, на умении слушать и формировать творческие решения. Дети, которым разрешается работать друг с другом таким образом, вполне способны создать демократическое сообщество.

Если в такую учебную среду внедрить несколько человек взрослого персонала, возникнут затруднения. Появится типичная властная структура. Взрослые ведь больше детей. Они больше знают. Им платят, чтобы они сюда приходили, и эта работа важна для них. Вот носятся детишки, между ними существуют какие-то отношения, и я, как член персонала, начинаю чувствовать, что мое положение не очень надежно. Тогда я, наделенный властью взрослый, создаю политическую структуру, в которой являюсь администратором или, предположим, учителем - в общем, беру управление ситуацией в свои руки. Очевидно, что появление в ученической среде взрослого, который получает свои полномочия вне детского мира, чревато проблемами. Как устранить этот перекося?

В образовательной среде с четким разделением власти всем, по крайней мере, известно, кто главный. Однако в «прогрессивной» среде, которая претендует на демократичность, дела могут обстоять сложнее: там может иметь место игра в равенство, которая прекращается, когда речь заходит о чем-то особенно существенном.

Слово «равенство» вовсе не означает, что все одинаковы, оно используется лишь применительно к власти. Сорокалетний взрослый ведь совсем не то, что десятилетний ребенок: он больше знает, больше видел, он, предположительно, мудрей ребенка. Но если говорить о власти, то в демократической среде десятилетний ребенок ничуть не менее ценен, чем сорокалетний взрослый.

Отношения, построенные не на власти, а на ответственности, ценны тем, что каждый участник такой учебной среды независимо учится не просто *в среде*, а *у среды*. Более того, каждый ученик обогащает ее своим участием. При таких условиях мы и получаем целостного ребенка, обитающего в целостной среде. И целостность эта проявляется во всем -

от возможности доступа к информации по истории Французской революции до участия в разработке школьного бюджета.

В этой среде никто не имеет больше власти, чем кто-либо другой, а ее правила на демократической основе устанавливаются группой, состоящей как из взрослых, так и из детей. Эта же группа решает, кто будет набирать персонал школы. Дети теперь занимаются не только устройством школьного бала: они имеют право участвовать в дискуссии, в ходе которой определяется, умеет ли их наставник найти к ним подход. Разумеется, права голоса по поводу школьного бала ребенка при этом тоже никто не лишает.

Возможно, вам, как учащемуся, не интересны проблемы управления школой. Вам, скажем, всего восемь лет, и эти вопросы вас несколько не волнуют, и в совещаниях на эту тему вы не участвуете. Вы целиком поглощены тем, что вам интересно. Но восьмилетние дети, которых очень даже волнует проблема школьной среды, тоже встречаются. Посему они имеют право встать и сказать: «Этот работник появляется в школе каждый день, но он ничего не делает. Давайте на следующий год не будем брать его на работу».

А как все это влияет на взрослых? Не становится ли персонал более общительным, целеустремленным, чутким, творческим, человечным? Представьте себе общество, в котором отсутствуют навязанные извне властные структуры. Не думаете ли вы, что такое общество будет более плодотворным? Не кажется ли вам, что люди в таком обществе будут более энергично задействовать свои врожденные творческие способности? И не такого ли мира мы хотим для своих детей?

За чертой страха

Ведь нужно знать, пред тем как ограждать, Что ограждается и почему.

Роберт Фрост *

Неужели мы никогда не сможем пойти на такой риск, как создание эгалитарной среды обучения - среды, которая основана на равноправии? Неужели это такой страшный зверь? Ведь, по существу, это означает лишь, что все имеют право на отношения друг с другом и несут за них ответственность. Да, во властных структурах может быть вполне комфортно, независимо от места, которое я там занимаю. Я знаю, что есть кто-то надо мной и кто-то подо мной. Я знаю свое место и мне не нужна неопределенность глубоких отношений с другими людьми. Мне не нужна глубина, не нужны трудности в отношениях и трения, которые сопутствуют целостной жизни.

Но выше страха неопределенности лежит один жизненно важный вопрос. Можно ли так организовать наш мир, нашу среду обитания, нашу систему обучения, чтобы они стали динамичными, чтобы они поспедали за всеобщим развитием? На этот вопрос нет ответа. Универсальный способ решения этой проблемы никем не описан. Очевидно лишь, что любая создаваемая нами система должна быть способна постоянно воссоздавать саму себя.

С этой точки зрения нынешние системы образования не выполняют своих функций. Эти системы основаны только на информации и умозрительном ее осмыслении. Осмысление - полезный инструмент, но он всегда разделяет целое на части и никогда не в состоянии синтезировать части в единое целое. Нынешнее обучение дает сбой просто потому, что жизнь - это нечто гораздо большее, чем манипулирование информацией. Любое фрагментированное образование не достигает желаемой цели, так как не может обеспечить слияния, синтеза отдельных составляющих, которые оно преподает. Такое образование, сведенное к информации и осмыслению, не в силах воспитать целостного ребенка, который будет жить полезной для общества, целостной и счастливой жизнью.

Дети - не компьютеры. Человек наделен способностью сознавать. Мы обладаем

необыкновенным умением видеть все в целом и жить в этой полноте. Понимание взаимосвязанности жизни дарует нам счастье, творчество и любовь. В этом - душа и сердце обучения.

Сознание способно увидеть взаимосвязанное целое, в котором мы с вами являемся лишь частью. А человеческий потенциал - это и есть способность жить в динамичной, подвижной, вечно меняющейся системе, основанной на взаимоотношениях. Такая система могла бы стать основой для всех наших образовательных институтов. Бесконечный творческий процесс, воплощенный в детской игре, - простой пример человеческой способности к самоорганизации, общению и радости. А представьте, если бы этим качествам благоприятствовали наши образовательная и общественная системы.

Интегрированное обучение, целостное обучение. Эти понятия ничего не говорят тем, кто преклоняется перед информацией - в конце концов, мы ведь являемся продуктом той самой системы обучения, которую защищаем. Накопление информации некогда было целью образования, но так обстояли дела до информационного взрыва, спровоцированного средствами СМИ, компьютерами и Интернетом. Теперь бал правит интегральное мышление - сознание, которое использует информацию, но не поглощается ею.

Динозавры не смогли приспособиться к изменениям климата и теперь стали ископаемыми диковинками для музеев. Климат образования изменился, он меняется и будет меняться, потому что суть истинного образования - это изменение. Скорость изменений возрастает до такой степени, что полезным в течение всей жизни человека остается только то образование, которое способно приспосабливаться само и воспитывает умение меняться в учениках.

Целостное обучение не находит себе места в нынешней системе образования потому, что система эта принадлежит прошлому. И дело вовсе не в том, чтобы создать эдакую футуристическую систему образования, ведь и будущее со временем изменится. Чтобы быть по-настоящему приспособляемой, система обучения не должна быть оторвана от всех других систем жизни, частью которых мы являемся, - от семьи, общества, работы; она должна вплетаться в них. Системе обучения надлежит быть открытой для циркулирующих в обществе потоков духовных, интеллектуальных, физических, эмоциональных и художественных исканий.

А чтобы оставаться адаптивной и пригодной для обучения все новых и новых поколений, система обучения должна освободиться от присущих ей внутренних ограничений, от ее прошлого, от ее недостатков. И наконец, чтобы система обучения была целостной, она сама должна непрерывно обучаться, адаптироваться и изменяться.

Ничто меньшее не пригодно для динамичного, любознательного и живого ребенка. Дети удивительно тонко чувствуют ограниченность того, что им навязывают. Это их главная особенность. Они - сыщики, выслеживающие ограниченность. Они сразу же находят ее и говорят: «А что тут с другой стороны?» Прекрасен тот миг, когда мы отвечаем: «Я не знаю. Давай попробуем узнать вместе». Вот для этого-то мы и живем на земле - молодые и старые. Мы все пребываем в поиске - пытаемся понять природу жизни. Любой ответ, пресекающий эти поиски, обречен на неудачу. Любая система образования, которая подразумевает, что этот ответ известен, сама устанавливает предел своему познанию. Внутри этих пределов может умещаться огромное количество знаний, но целостному ребенку этого будет мало.

Из всего огромного количества педагогических идеологий ни одна не признаёт, что, в сущности, никому не известно, как учатся дети. А что, если ведущие представители системы образования и родители признают факт своего неведения? Если они признают, что незнание - это динамичное, высокоэнергетичное состояние, то самое состояние, в котором оказывается ребенок, придя в этот мир?

«Я не знаю» - это движущая сила обучения ребенка. Никакое открытие не может

удовлетворить этого «я не знаю». Все, что ребенок узнает, только питает его природную любознательность. Чем больше открывает для себя ребенок, тем больше он не знает.

Нам не нужна новая идеология, которая отражала бы сказанное здесь: нам нужно избавиться от идеологий. То, что останется после снятия ограничений, накладываемых педагогической теорией, будет взрывом творчества. Это творчество может принимать самые разнообразные формы; некоторые из них настолько утонченны, что не будут восприняты на социальном уровне. Бывают люди, которые живут очень простой, но чрезвычайно творческой жизнью. Это может быть кассир в бакалейном магазине или водитель автобуса. Это может быть человек, который, как Альберт Эйнштейн, служит клерком, а в свободное от работы время пытается понять, как устроена Вселенная. Эйнштейн, Эдисон и бесчисленное количество других гениев числились в школе среди отстающих. Эти удивительные творцы достигли величия, пробившись сквозь препоны системы образования, пытавшейся ввести их в жесткие рамки.

Томас Мертон как-то сказал: «Жизнь - это не задача, которую нужно решить, а таинство, которое нужно прожить». Способны ли мы разглядеть это таинство, сумеем ли мы передать его своим детям, чье любопытство будет вести их сквозь тайну в их собственное неизведанное? Сумеем ли мы создать для них среду, в которой будет отсутствовать то, что и нам самим оказало плохую услугу, что подвело нас, наших родителей, а еще раньше - родителей наших родителей? Сможем ли мы создать среду обучения, которая признает таинство, воздаст ему должное и сделает его нашим постоянным спутником?

Счастливый ребенок в разобщенном мире

Человек, который никогда не ходил в школу, может украсть вагон, но если он учился в университете, то способен украсть всю железную дорогу.

Теодор Рузвельт

Представьте себе счастливого ребенка, который учился по системе самоуправления в среде, где отдается должное целостности и отсутствует принуждение. А теперь представьте, что этот любознательный ребенок вырастает и приходит в наш мир, со всем его хаосом и прочими прелестями.

Что из выученного им в среде целостного обучения применимо во взрослой жизни? Он научился искусству взаимоотношений, общения, творчества. Он научился сам управлять своим обучением и своей жизнью. И он чувствует себя вполне уверенно, потому что его уверенность никем не разрушена. Этот новоиспеченный взрослый никогда не подвергался систематическому подавлению, его дух лелеяли и поощряли к исследованию. И важнее всего то, что этот целостный взрослый никогда в жизни не получал самого отвратительного из уроков - того, который изо дня в День получает большинство учащихся, - сила в человеческих отношениях важнее самих отношений. Этому ребенку не внедрили в мозг культ силы, поэтому есть вероятность того, что он будет счастлив, что его сердце будет петь, что утром на его лице будет сиять улыбка, поскольку впереди его ждет еще один день любопытства, творчества и общности.

Одна мать, которой предложили поместить ребенка в такую среду обучения, сказала мне: «Я не сомневаюсь, что он там будет необыкновенно счастлив. В этом я уверена. Но как насчет колледжа?» Хотя и кажется абсурдным, что мать готова сделать несчастным детство своего ребенка, чтобы он мог поступить в хороший колледж, именно такие соображения и побуждают многих родителей отдавать своих детей в недобрые руки традиционного образования. Та же мать отметила, что другой ее сын сейчас заканчивает школу и может поступить в колледж по своему выбору, но у него нет ни малейшего представления о том, чего он хочет в жизни. За двенадцать лет обучения в школе он так и не смог определить свои

интересы.

Учащийся, сам направляющий свое обучение, немало знает о том, что ему интересно. Но как посмотрит общество на такую целостную личность, выпущенную альтернативным учебным заведением? Дети, прошедшие через традиционную систему обучения, дети с подавленной волей, будут, вероятно, чем-то похожи друг на друга. А вот ребенок, вышедший из необычного учебного заведения, скорее всего и сам будет необычным. Что же больше ценится на любом рынке - редкость или ширпотреб? Ценность уникальной вещи гораздо выше.

В упомянутой альтернативной школе дети учатся определять свои интересы, организовывать вокруг них свои возможности, общаться, чтобы наращивать недостающие ресурсы, устанавливать правила для среды обитания и не отворачиваться от собственных потребностей - от своей скуки и своих интересов. Ребенок учится общению, потому что за него общаться никто не будет. Это не пассивная среда; это среда, которая творит себя сама.

Сказываются ли эти навыки, когда ребенок выходит в большой мир? Взрослые с такими навыками становятся лидерами, предпринимателями, художниками, творцами. Эти навыки оснащают молодого человека тем, что необходимо для успеха, а главное, позволяют определять этот успех не обществу, а внутреннему духу личности. Таков потенциал счастливого ребенка.

Родители боятся, что столь необычный ребенок не поступит в колледж и не сможет обеспечить себя и свою семью. Но колледжи горят желанием заполучить необычных студентов. Членам приемных комиссий хуже горькой редьки надоел этот однообразный поток стандартных абитуриентов. Школы с давними демократическими традициями заслуженно гордятся тем, что среди их выпускников удивительно большой процент принятых в колледж.

Родительские страхи на самом деле имеют материальную подоплеку. Это боязнь того, что ребенок не сможет выжить, - таким болезненным образом порой находит выход родительская любовь. Но этот страх является также порождением мифа, будто мы сможем выжить, только играя по правилам традиционной системы образования.

Не так уж трудно обеспечить ребенка безопасным местом Для учебы, инструментами, ресурсами, учителями и наставниками. Не так уж трудно признать, что ребенок имеет врожденный инстинкт учиться и создавать. Детям не нужна наша помощь, чтобы научиться учиться. Они сами знают, что их интересует. Именно к этому устремляется их внимание и энергия, и обучение происходит волшебным образом. Интерес порождает обучение, а дети хотят учиться тому, что делает их счастливыми.

Счастливые дети? А не станет ли это проблемой? Счастливые дети могут превратиться в счастливых взрослых, и к чему тогда придет мир? Если предоставить детей самим себе, то не будут ли они весь день смотреть телевизор? Захотят ли они учиться? Не лучше ли сделать так, чтобы они учились, а потом шли работать, просиживая дни за монитором компьютера? Мы говорим, что боимся, как бы самоуправляемые дети не перестали учиться, даже не сомневаясь, что они научатся быть самоуправляемыми. Так может быть, самоуправляемый ребенок и есть то, чего мы боимся на самом деле?

Давайте подойдем к этому вопросу с чрезвычайно бездуховной и реакционной точки зрения - чисто капиталистической. Допустим, мы пытаемся подготовить ребенка для будущей работы. Но какой будет эта работа через пятнадцать или двадцать лет, которые ребенок проведет на школьной скамье? Кто будет вести расчеты - человек или компьютер? Кто запомнит больше исторических фактов? Кто будет писать грамотнее? Что приобретет предприниматель для своих расчетов - человека, которому нужно платить 35 000 долларов в год плюс отпускные, премии, больничные, или компьютер за 2 000 долларов плюс расходы на электричество и модернизацию?

Корпорации могут приобрести достаточное количество компьютеров, но они не могут найти тех, кто принимает решения, - творческих личностей, способных справиться с проблемами, коммуникаторов и ориентированных на общение менеджеров. И объясняется это тем, что наша система образования не развивает эти умения; наоборот, она методически, год за годом лишает учеников этих качеств.

В руководстве компаний полно людей, которые не умеют принимать решения или просто боятся это делать. Им никогда не приходилось решать ничего важного, потому что они готовились в системе образования, которая все решала за них. Им оставалось лишь сдавать экзамены.

Недавно японское правительство начало пересматривать систему образования в стране, имея в виду сократить количество школьных часов, уменьшить на треть объем преподаваемой информации и отказаться от механического запоминания. Более того, предполагается ввести короткие ежедневные занятия по интегральному обучению, когда учеников просят задействовать свое творческое мышление и самостоятельно делать то, что им интересно, тем самым воспитывая в себе жизнелюбие. Зачем стране, которая считается ведущей в мире по знанию математики и других наук, менять свою систему образования? Президент Тихоокеанско-Азиатского отделения компании Ай-Би-Эм в своем интервью - и не какому-нибудь «Гарвардскому педагогическому обозрению», а газете «Уолл-Стрит джорнэл» - говорит: «Нам необходимы люди, которые могут создавать новое, отвечать новым требованиям и уметь получать результаты без посторонней помощи. Нам больше не нужны те, кто просто получает хорошие отметки». В Японии достаточно рабочих. Но она ощущает нехватку конструктивных мыслителей, предпринимателей и просто самостоятельных личностей, востребованных постиндустриальной экономикой.

Дело не только в том, что бизнесу нужны люди, умеющие творчески решать проблемы, а не просто наученные подчиняться, бездумно повторять и не высовываться. Очевидно, что именно такое - конструктивное, целенаправленное и основанное на отношениях - обучение сослужит наилучшую службу самому человеку. А каждая творческая личность приносит большую пользу всему обществу.

Вероятно, после длительного и нездорового увлечения бизнесом мы поймем, что не мы живем для бизнеса, а бизнес существует для нас, для всех нас. Но сегодня важнее всего отыскать спасительный ответ нынешнему миру насилия, культурной раздробленности и невежества. Возможность целительной перемены таится в каждом ребенке. Так сумеем ли мы помочь этому ребенку стать целостным, счастливым взрослым и отвечать на требования современного мира всей полнотой своего человеческого потенциала?

Поражение образования

Образование - прекрасная вещь, но неплохо бы время от времени вспоминать, что ничему, достойному знания, научить нельзя,

Оскар Уайльд

Образование совершает одну фундаментальную ошибку. Оно существует.

Образование предполагает, что у него есть чем благодетельствовать мир, но именно из этого ошибочного представления и возникает большинство его проблем. Целостное обучение происходит не благодаря передаче чего-либо, а благодаря взаимодействию. Нынешнему образованию далеко до того, чтобы учить детей. Оно само должно научиться кое-чему: в нем нет необходимости, оно должно уйти с дороги.

В том виде, в котором оно устоялось в нашем обществе, образование ведет к разрушению ребенка. Дети рождаются любознательными, с врожденной тягой к знанию, но их толпой сгоняют в школу, мало чем отличающуюся от тюрьмы, вынуждают сидеть на

неудобных, жестких стульях и запоминать чудовищные объемы несвязной информации. Методом кнута и пряника их заставляют сдавать экзамены, вести себя в соответствии с навязанными правилами и не общаться друг с другом. Их учителя - это тоже своего рода жертвы, вынужденные играть определенные роли, вести себя и реагировать определенным образом, представлять ученикам расфасованную информацию, к которой сами не питают ни малейшего интереса. Эта воистину странная система не только не может производить творческих личностей - она сама тонет в пучине собственного насилия.

Сегодня школы почти не заняты обучением - они контролируют, насаждают доктрины, разрушают человеческий дух. Идет ли речь о самых запущенных общественных школах или об элитарных частных - исключая из процесса обучения свободу, мы тем самым разрушаем природное любопытство ребенка, заменяя его механическим поведением и нищетой духа.

Демократическое обучение

Личность и общество

Стоит, помнить, что мир, за одним пустячным исключением, состоит из других людей.

Джон Эндрю Холмс

Представьте себе школу с демократическим управлением, в которой ученики сами вольны выбирать условия образовательного процесса. При этом каждый ученик чувствует себя свободным и хорошо понимает природу взаимоотношений в школьном обществе, где ему предоставлены все возможности. Поэтому он легко может осознать и цель своего участия в принятии общих решений, и последствия неподчинения совместно выработанным правилам.

Личная инициатива в таком сообществе не встречает обычных препятствий. На примере школ с элементами самоуправления мы видим, как учащиеся генерируют фонтан проектов, уроков, предприятий, взаимоотношений, дебатов и индивидуальных исследований. Такие школы, как в Садбери-Вэлли, Саммерхилле и Олбани, существуют уже довольно давно, они на хорошем счету и являют собой в высшей степени успешные примеры демократических учебных сообществ. Поощряя среду творческого самовыражения, эти школы смогли нащупать практически неисчерпаемый источник педагогических новаций и творческих подходов. Этот драгоценный источник - сами ученики.

Громады времени, денег и энергии тратятся учебными заведениями на то, чтобы контролировать учащихся, которые, в свою очередь, расходуют свою энергию на бунт - как пассивный, так и агрессивный. В демократическом же учебном сообществе личности не препятствует ничто, кроме соображений самого сообщества, которое, заметьте, не берет на себя функций ограничения и контроля. Становится возможным сиергическое интеллектуальное событие - событие, при котором учащийся, без ущерба для своей индивидуальности, осознает реальность общей взаимосвязанности.

Нет необходимости формировать из детей элементы общества, как не следует и поощрять анархические проявления эгоизма. Нужно только создать условия для осмысления детьми целостной реальности, в которой каждая личность связана со всеми. Речь идет о развитии человеческого потенциала - не того, о котором толкуют на семинарах или в самоучителях, а того, который проявляют сами дети. Таково целостное обучение, в котором ребенку не мешают учиться, взаимодействовать, ошибаться, исправлять ошибки, устанавливать отношения, любить.

Обязательное образование

Ах, как я ненавидела школу. Она покушалась на мою свободу. Я во время занятий притворялась рассеянной - это такой изощренный способ противиться школьной дисциплине.

Сигрид Унсет *{лауреат Нобелевской премии по литературе 1928 года}*

Говоря об обучении, которым управляют сами учащиеся, мы не можем не подумать о том, как в таком учебном сообществе будет распределяться власть, как будет происходить принятие решений и управление ресурсами. Мы привыкли к системам, в которых властью наделены взрослые, ведь считается, что дети недостаточно ответственны для принятия решений. Улавливая подобные тенденции, дети частенько оправдывают ожидания взрослых, проявляя безответственность. Этот порочный круг существует столько же, сколько существует государственное образование. Ведь все начиналось с того, как эта система насильно привлекала детей с ферм и фабрик, где они нередко работали в ужасающих условиях, но при этом оставались в полной мере ответственными. Жизнь свидетельствует, что дети способны быть одновременно свободными и ответственными, но их превращают в иждивенцев в возрасте, когда в этом давно уже нет необходимости. Детство вкупе с бесконечной юностью затягивается на десятилетия.

В нашей стране первая атака на право детей учиться свободно была предпринята в 1852 году в Массачусетсе, где впервые было введено обязательное школьное образование. Заявление о том, что государство имеет право требовать, чтобы ребенок ходил в школу, так как оно заботится об образовании всего населения, на первый взгляд, кажется частью продуманной социальной политики. Однако в основе обязательного образования лежит примат государства над родителями и детьми: первым оно говорит, как нужно воспитывать детей, а вторых лишает свободы самим устраивать свою жизнь.

Как это ни парадоксально, но американцы, которые и создали-то эту страну именно потому, что чтити права личности выше прав государства, которые так упорно противились контролю государства над чем бы то ни было, включая оружие и порнографию, - американцы признали право государства обучать своих детей. А ведь обязательное образование не только злостным образом нарушает права человека, но имеет и более тонкий побочный эффект: оно вынуждает школы нянчиться с детьми, которым неинтересно в них находиться. Государство может потребовать от родителей, чтобы они приводили своих детей в школы, но каждый ребенок знает, что никто - ни родители, ни директор, ни полиция, ни политики - не в силах привести в школу их сердца и души, их внимание и желание, их интерес к учению. В каждой школе большая часть учащихся состоит из таких вот отказников, которые не собираются подчиняться контролю над мыслями. Эти ученики знают: у них никто не спрашивал, как они хотят прожить свою жизнь. Никто не поинтересовался, может ли школьная среда что-нибудь им предложить и не нарушает ли принудительное образование их жизненно важных планов. Они озлоблены, и единственное, чему они учатся в школе, - это обманывать систему, обходить ее требования, уваливать, мошенничать.

Ученик, который не хочет находиться в школе, не должен там находиться. Во-первых, потому, что он наделен всеми правами личности, которые гарантирует нам общество всеобщего равенства, а во-вторых, потому, что бессмысленно во имя образования запирает в школе ученика, не имеющего интереса к учению. Что делать таким детям? Спросим у них, чего хотят они сами. Может быть, некоторые захотят работать, другие - пойти куда-нибудь в подмастерья, третьи - заниматься самостоятельно или вообще ничего не делать, пока не поймут, чего же они хотят в жизни. Если школа предоставит такую возможность выбора или (позволим себе предположить) даже поможет в осуществлении желаний, отвращение к ней исчезнет. Взрослые почему-то решили, будто ученики, которые не хотят быть в школе,

неприменно станут махинаторами, бездельниками и преступниками. Конечно, озлобленные ученики, которых насильно держат в школе, нередко встают на такую дорожку. И пусть даже не приходится спорить с тем, что преступники не хотят ходить в школу, но ведь их преступные наклонности вызревают вовсе не из нелюбви к школе. Они возникают вследствие сложного воздействия деструктивной среды и разрушенных взаимоотношений, с которыми многие молодые люди сталкиваются дома и в своем кругу общения.

Учителя не хотят учить равнодушных учеников. Ученики не хотят учиться у учителей, с которыми они не могут наладить отношений, не хотят изучать предметы, которые их не интересуют. Школьные комитеты, администраторы, политики и полиция обременены непосильным грузом: удерживать в узде угрюмых, непокорных, своевольных учеников дорого и трудно. Насилие среди детей и подростков, от которого в свое время отмахивались как от явления, характерного только для трущоб, становится реальной угрозой для любой школы. Можно ли считать случаи массового насилия следствием безумия отдельных личностей - печальных психических аномалий - или они отчасти представляют собой симптомы системы, которая уже не может функционировать нормально? Насилие не остановить с помощью камер наблюдения и охранников, полицейских патрулей и системы наушничества. Атмосфера насилия начинает формироваться, когда личность лишают свободы и ответственности.

Возможно, и у этих молодых людей сложились бы другие взаимоотношения с миром, участвуй они в создании своей школы, в управлении ею, во всех ее успехах и неудачах. Невозможно наделить человека ответственностью, держа его в заключении. Невозможно лишить человека всякой ответственности и ждать, что ему будет нравиться такая среда обитания. Но если вы дадите личности свободу и ответственность, то энергия озлобления и неприятия чудесным образом трансформируется в энергию творчества и соучастия.

Свободное общество не может воспитывать детей в иной среде, кроме как в свободной. И мне непонятно, почему наше общество, в котором образование осуществляется насильно в течение вот уже ста с лишним лет, соглашается с этими растущими ограничениями свободы и самовыражения.

Навязываемые учебные планы и государственные программы

Если бы мы все были одинаковы, это устроило бы бюрократов и статистиков, но такое общество было бы очень скучным и пришло бы к регрессу.

Бертран Рассел

Чему должен научиться школьник? В демократическом обществе подобные вопросы решаются просто и разумно. Но кто решает, что должны учить наши дети? Университетские ученые, фонды, издатели учебников, политики, местные школьные советы, учителя? Все эти лоббисты тех или иных программ непрерывно борются за контроль и влияние. Божественное творение или эволюция? Чтение по слогам или по словам? Повышение уровня общих знаний или обучение «на зачет»? Мир педагогической мысли находится в постоянной борьбе, он разделен на фракции, на кону миллиарды долларов. Остается лишь надеяться, что кто-нибудь вспоминает и о детях.

Межфракционная борьба за деньги и влияние не приносит пользы образованию. Но не меньший ущерб наносит решение ограничить требования к учащимся лишь тем диапазоном знаний, с которым согласны все эксперты одновременно. Образование подменяется преподаванием стандартизованного набора псевдофактов. И эта тенденция все усиливается, уничтожая разнообразие точек зрения и возможность диалога, без которых немыслима сама демократия. Если весь народ учится по утвержденным в национальном масштабе программам, то как же такому обществу не остановиться в своем развитии,

постоянно воспроизводя собственную посредственность? Свободный обмен идеями, сведениями, соображениями прекращается, потому что преподается и проверяется только предписанная свыше информация. Стандарты зажили собственной жизнью, они существуют сами по себе и ради самих себя, порождая собственную бюрократию и властные структуры. Ведь только те, кто сдал экзамены, занимают властные должности, и только те, кто занимает эти должности, определяют, какую информацию одобрить для преподавания.

Всеобщий контроль над тем, что преподается и заучивается, - это начало конца демократических структур. Демократия требует равноправия в учебной среде, свободы информации и открытости любым педагогическим подходам.

Первая поправка к американской конституции запрещает принимать законы, которые препятствуют свободе слова. Те, кто определял основы демократического общества, понимали, что свободный поток информации служит важным противовесом тирании центральной власти. Но можно ли сомневаться, что контроль над образованием личности имеет самое непосредственное отношение к ограничению свободы самовыражения? Верховный суд США несколько раз возвращался к этой проблеме. В 1925 году был отменен закон штата Орегон, требовавший, чтобы дети учились только в общественных школах. Суд провозгласил, что ни один штат не имеет права «стандартизировать детей», не разрешая родителям отдавать их в частные школы. В постановлении суда говорилось, что ребенок не является «собственностью государства», и государство не имеет права препятствовать «родителям или опекунам по собственному усмотрению направлять воспитание и образование своих детей».

В последующие десятилетия Верховный суд США запретил чрезмерное контролирование частных и религиозных школ. Наконец, в 1992 году Суд выступил в защиту домашнего образования. Общество постепенно, хотя и медленно, приходит к пониманию того, что ограничение образования рамками национализированной структуры подрывает демократию. Существует прямая связь между сохранением индивидуальной свободы и культурным разнообразием, без которого здоровое общество всеобщего равенства просто невозможно.

Может ли народ сохранить свободу слова, если он не заботится о свободе образования, которое в конечном счете влияет на это самое слово? Безусловно, за свободу слова порой приходится платить необходимостью мириться с довольно неприятными формами самовыражения, но тем не менее эта свобода способствует как благу общества в целом, так и улучшению качества жизни отдельных его членов. Так неужели же с образованием дело обстоит по-другому? Если в образовании не будет свободы самовыражения, то кто тогда решит, как следует контролировать умы учащихся?

Свобода и ответственность: возможно ли одно без другого?

Если идею достаточно долго никто не проверяет и не оспаривает, с ней происходит кое-что другое. Она становится мифом и обретает огромную власть. Она заставляет повиноваться. Она запугивает.

Э. Л. Доктору

История образовательной политики и споры вокруг нее на первый взгляд кажутся однообразными и удивительно бесцельными. Но за всей этой политикой скрывается интересный вопрос: может ли истинное обучение происходить в условиях принуждения, в условиях ограничения подвижности тела, разума и духа, свойственного нашей школе?

Способен ли ребенок, чьи условия жизни и школьная среда полностью навязаны ему извне, усвоить что-либо иное, кроме нюансов правил поведения и поглощения информации? Разумеется, можно сказать, что правила поведения и способы запоминания - это своего рода

образование, но оно не имеет ничего общего с истинным образованием, которое включает умение принимать решения и целостно взаимодействовать со средой обитания. Зазубривание позволяет приобрести лишь попугайские навыки, а попугаи, как известно, нуждаются в дрессировщиках.

Того ли мы хотели для своих детей - чтобы они воспитывались путем модификации поведения и получали знания посредством внушения? А ведь именно этим и занимаются общественные и даже многие частные школы. Неудивительно, что за последние десятилетия умение решать задачи у школьников заметно ухудшилось, несмотря на то что коэффициент их интеллекта все время возрастает.

Для истинной учебы, исследования и экспериментирования ребенку просто необходима полная свобода. Без свободы нельзя научиться ответственности. Мы же в основном учим тому, что называем ответственностью, решая задачи вместо учеников, воплощая свои решения в правилах поведения и силой проводя эти правила в жизнь. Те, кто сопротивляются, требуют свободы и берут на себя ответственность, действуя за пределами правил, объявляются изгоями. А те, кто покоряются, - считаются ответственными гражданами. Хотя очевидно, что это никакая не ответственность, а просто выбранная манера поведения.

Ответственность требует свободы. У каждого человека должно быть право на ошибку, чтобы он мог в полной мере ощутить и принять последствия своей оплошности. Исследование взаимодействия личных желаний и социальных требований школьного сообщества - путь к осмыслению жизни, основанной на человеческих взаимоотношениях. Автоматическое поведение в условиях свободы не срабатывает и оборачивается множеством проблем. Только в активном осознанном личном контакте человек может согласовать устремления своей души со своими отношениями с другими людьми.

Школы, в которых детьми управляют, отнимают у ребенка не только свободу, но и ответственность. По счастью, дети учатся не только в школе. Это позволяет им сохранить пылкость ума и жизнерадостность духа.

Демократия и дисциплина

Мои учителя считали меня одновременно отсталым и не по годам развитым: я читал книги, которые мне рано было читать, и был последним в классе по успеваемости. Они были оскорблены. Они располагали огромными возможностями для принуждения, но я был упрям. Если мой разум, воображение или любопытство оставались не затронуты, то я не хотел или не мог учиться.

Уинстон Черчилль

Обучение отчасти состоит в воспитании дисциплины - но не той ложной дисциплины, навязанной внешней угрозой, а естественной организации наших внутренних побуждений. Мы нередко пытаемся учить детей дисциплине, заставляя их делать что-нибудь такое, чего они делать не хотят. Вместо этого следовало бы побуждать их к тому, чтобы они взвешивали последствия своих действий и брали на себя ответственность за свои слова, поступки и реакцию окружающих людей. Дисциплина - это не столько умение делать то, чего делать не хочется, сколько способность делать те трудные вещи, которые делать хочется.

Есть вещи, которые нам не нравятся, но мы заставляем себя их делать, поскольку понимаем: поступая так, мы обеспечиваем себе возможность делать то, что нам нравится. Например, я хочу стать бегуном на длинные дистанции, но мне не нравятся первые четыре или пять недель тренировок, потому что они трудны и мучительны. Однако я понимаю: я должен пройти через это, чтобы с удовольствием заниматься тем, что мне нравится. Каждый из нас может вспомнить примеры из своей жизни, когда он подвергал себя малоприятным

испытаниям, зная, что они необходимы для достижения поставленной цели.

В демократическом учебном сообществе тоже существуют некие общепринятые правила - своя дисциплина, которой, возможно, не каждый ученик захочет следовать. Но такая дисциплина вырабатывается демократическим путем, и каждый член школьного сообщества имеет право участвовать в этом процессе. Бунт в таких условиях приобретает совсем иное значение и вызывает иную реакцию. Ведь неподчинение правилам приводит к нарушению порядка в моем сообществе, среди моих товарищей, чья реакция и будет наказанием.

Эта разновидность дисциплины, основанной на взаимоотношениях, коренным образом отличается от школьного администрирования, где правила устанавливает начальство. В традиционной властной структуре ученику остается либо бунтовать, либо отказаться от своей независимости. Там нет пространства для обязательств и диалога.

В демократической же среде ученики могут три часа провести в дискуссиях о достоинствах или недостатках того или иного правила, о его общественной пользе или вреде, о том, существуют ли школы, живущие по этому правилу или обходящиеся без него, пока все заинтересованные стороны не поймут в конце концов смысл каждого соглашения. Но уж после того, как правило проголосовано и принято, пусть даже незначительным большинством и при вашей несогласии, каждый понимает: подчинение обязательно. Вот на чем основывается истинная власть в неиерархической структуре, и эта власть, конечно же, доступна всем участникам.

Образование и догмы: в поисках утраченной реальности

Культура и взгляд на мир

Значительное число людей думают, что они думают, тогда как на самом деле они всего лишь по-новому располагают свои предрассудки.

Уильям Джеймс

Недавно я зашел в магазин со своим маленьким сыном. Моя покупка ненадолго отвлекла меня, а тем временем ребенок увлекся рекламой на телевизионном мониторе в углу. Через несколько минут он уже сыпал жаргонными словечками, увлеченный обещанием быть принятым в сказочный мир, где ему подарят игрушку, кинофильм или колу, - нужно только что-нибудь купить. Пока я был занят, моего малыша уже чему-то «научили». А заодно и меня. Никто не спросил меня, можно ли продать что-нибудь моему сыну. И никто не будет спрашивать этого в будущем. Мой ребенок - часть системы рынка. И продавцы найдут его, куда бы он ни направился.

Интересы цивилизации и интересы личности постоянно взаимодействуют, и по большей части это взаимодействие связано с материальными потребностями. Рынок обещает счастье, тогда как на самом деле способен предложить только товары и услуги. Моему сыну цивилизация уже сообщила, что товары с услугами - это и есть счастье. А для меня важно, чтобы у него была возможность самому проверить, правда это или нет. И от этого ответа будет зависеть, как сложится его жизнь.

Невозможно всерьез говорить об образовании наших детей, не пытаясь понять, что представляет собой цивилизация, в которой они живут и учатся. В условиях современной западной цивилизации мы пребываем под мощным воздействием средств массовой информации, которые во многом определяют наш взгляд на мир. Мы не можем ступить и шагу, не перевалив порцию информации о каком-нибудь продукте. Еще коварнее влияют на

нас вездесущие брэнды, которые пропагандируют тот или иной образ жизни, навязывая колу или модельные джинсы.

Корыстное материалистическое общество постоянно нас обучает, причем учит не мышлению, а *потреблению*. Размышления о природе рыночных сил не в интересах маркетинга. Рынок стремится лишь заполучить потребителя. Для этого он прибегает ко всевозможным ухищрениям, посылая импульсы ниже порога осознанных действий. Маркетинг пользуется подсознательным языком гипербола и крайне редко - точным языком фактов. И нечувствительность наших детей к такому воздействию на их разум и душу становится злым роком нашего общества.

У детей, которым была дана ответственность и свобода эту ответственность реализовывать, развито критическое мышление. Они научились сами решать, что приносит им удовлетворение, а что нет. А тот ребенок, чья проницательность и воля на протяжении многих лет подавлялись насильственным образованием, вырастает идеальным кандидатом на роль незадачливого потребителя всего, что поступает в продажу. Само собой, то, что продается, должно быть произведено, и простодушный потребитель выступает также в роли покорного рабочего.

Чтобы исправить систему образования, необходимо сначала понять тот особый взгляд на мир, который лежит в основе нашей цивилизации. Секрет силы массового маркетинга и потребительства таится в глубоко укоренившихся структурах нашего общества и его истории, определяется особенностями строения нашего мозга, нашей биологией. Если мы сумеем лучше понять все это, мы сможем надеяться создать учебную среду, которая будет чем-то большим, чем простое введение в наш исполненный конфликтов мир.

Как известно, неумение извлекать уроки из истории ведет к повторению трагедий. Мысль достаточно простая. Весь вопрос в том, с какой точки зрения извлекаются эти уроки. Не понимая, какие тенденции определяют историю, мы лишь копируем прежние взгляды. Реальную действительность мы воспринимаем сквозь призму многочисленных концепций - нации, расы, религии - и прочих привычных истолкований.

Эта самоидентификация и является источником неразрешимых проблем нашего мира.

Она - наша мертвая зона, наше культурное эго. Подобно тому как человеку трудно выйти за рамки своего эго, так целое общество находится в плену привычных представлений, не в силах взглянуть на них со стороны. Мы забываем, что позиция нашей культуры - лишь одна из многих возможных.

Среда нашего обитания перенасыщена информацией, рекламой и развлечениями, так что мы порой недоумеваем: а что же такое реальность? А иногда и того хуже - есть ли она вообще? Неудивительно, что в поисках хоть какой-то определенности люди обращаются к тем или иным системам убеждений. И если они верят, что обрели определенность, то только потому, что неопределенность доставляет им слишком большой дискомфорт. Но определенность веры, преподносимой как факт, - это тоже навязывание идей, а не образование.

Целостное обучение требует понимания природы даже самой веры. Оно подразумевает глубокое исследование всех точек зрения. Целостный ученик каждую мысль подвергает сомнению.

И мы не обязаны механически повторять прошлое, создавая будущее по его образу и подобию. Мы не обязаны воспитывать своих детей для разновидности жизни, которая обречена повторять неудачи истории, копируя ее скрытые культурные предпочтения. Мы не обязаны готовить наших детей к тому, чтобы они понимали этот мир во всех его аспектах только так, как это предлагается преобладающей исторической теорией.

Мы можем пригласить своих детей присоединиться к нам в поисках нового образа жизни - того, который будет сочетать в себе свежий взгляд ребенка и познания взрослых. И пусть это станет новой разновидностью мудрости, в основе которой - счастье каждого в

отдельности и всех вместе. При этом мы не пойдем на поводу у детей, но и не поведем их за собой. Мы останемся сотворцами. Каждый пусть вносит свою лепту, уважая независимость других и основываясь на глубокой взаимосвязи между всеми нами. Быть может, все вместе мы сумеем отыскать нечто большее, чем просто сумму отдельных частей - нашу всеобщую взаимозависимость, ощущаемую самыми глубинами нашего существа как отражение счастливой жизни для всех нас. Этот величайший дар, который мы можем предложить нашим детям, - самая высокая цель образования. И если нам это удастся, они примут этот дар и с огромной радостью передадут его своим детям.

Развитие мышления: за и против

Одна из основных естественных функций мышления всегда состояла в том, чтобы способствовать безопасности человека, гарантировать ему, например, крышу над головой и еду. Однако эта функция перестала себя оправдывать, когда основным источником опасности стало действие самой мысли.

Дэвид Бом

Чему мы учим наших детей? Я спрашиваю не о том, какие предметы или даже какие ценности должны преподаваться в школе. Под каким углом зрения мы преподносим детям реальную действительность? В своей образовательной системе мы осознанно делаем упор на развитие мышления, умение теоретизировать и абстрагироваться как на наиболее ценные элементы обучения. Многие десятилетия привлекательность информации и интеллекта была для нас столь велика, что мы только сейчас начинаем вспоминать о том, что существуют и другие достойные изучения стороны жизни, которые не имеют никакого отношения к информации. Навыки мышления - это далеко не единственная область, с которой стоит познакомить детей, но именно эта область столь сильно развита в нашей школьной системе. Еще бы, ведь способность к линейному мышлению легко измерить, протестировать и оценить количественно, напрямую связав с затратами на образование.

Но почему мы столь очарованы именно этой способностью человеческого существа, что построили вокруг нее всю нашу цивилизацию? Ведь мышление - это лишь один из способов познания мира, и он лишь относительно недавно вошел в моду, будучи признан лучшим. Тем не менее понятийный разум характеризует структуру нашего общества куда в большей степени, чем любая другая человеческая способность.

В XVII веке Декарт пытался понять, является ли человеческая мысль точным отображением мира. Он чувствовал, что мышление можно обмануть, что оно способно порождать иллюзии. Но если так, то на что же опереться? После жуткой борьбы ученый капитулировал. Он признал, что мышление - лучший инструмент для определения нас самих и всего, что нас окружает. Ведь если не мышление, то что же еще? Это был величайший философский вопрос до появления экзистенциализма. Если не мысль, то ведь ничего иного и не придумаешь, во что же тогда превращается человеческое существование?

Декарт много об этом размышлял и решил, что лучше уж существовать, чем не существовать. Он сказал: «Я мыслю, следовательно, существую».

И мы ему поверили.

Мы стали жить согласно принципу: «Я верую в мысль, следовательно, я существую». Мы построили поразительное общество, основанное на мышлении и отделении мыслящих индивидуумов, поглощенных своими мыслями.

Теперь мы не можем найти выход из этого лабиринта, как не можем и до конца поверить в существование самого лабиринта. Лабиринт мысли изобилует взаимосвязями, но он связывает нас разобщенных - как в пригородных поселках, где мы живем, не зная своих соседей.

Биологи-эволюционисты считают, что мышление развилось в ответ на потребность идентифицировать пищевые ресурсы и разрабатывать стратегии их накопления. Память - как средство запоминания места, где оставлены пищевые припасы. Сегодня мысль продолжает моделировать нашу жизнь для того, чтобы способствовать нашему выживанию. Наше счастье ее не интересует. Это не ее функция. Мысль много знает о теории счастья, но не о реальном счастье. Если мы хотим, чтобы наши дети были счастливы, то для своего выживания они, конечно, должны развивать мыслительную способность; но чтобы жить счастливой жизнью, они должны развить в себе нечто гораздо большее.

В мыслях мы близки друг к другу, но соприкоснуться не можем: нас удерживает привязанность к собственной идеологии и инстинкт самосохранения. Однако кроме идей нас соединяет кое-что еще - умение чувствовать, способность воспринимать свою общность. И эта способность связана не с образованием или деятельностью, а с тем, как мы относимся друг к другу - к тем же учителям и однокашникам, родным и друзьям.

Мысль - великий инструмент. Она позволила нам создать целый мир технологических чудес. Благодаря ей мы моделируем природу и манипулируем ею. Мы способны изучать мир, пользуясь своими чувствами восприятия и воображением, способны представить его в умозрительной форме и использовать эту модель для исследования видов на будущее. С помощью мысли мы можем попытаться изменить это будущее, чтобы свести к минимуму любые опасности для нас самих. Наконец, мы можем выразить все это средствами языка.

Способности мышления поистине удивительны: мыслить, моделировать, прогнозировать, манипулировать и в результате - выживать. Вот только выживаем не «мы», выживает «я». В этой замечательной технологии имеется один программный изъян, подобный самовоспроизводящемуся компьютерному вирусу. Проблемой становится «я». Программа работает великолепно, но когда весь этот туман моделирования, прогнозирования и манипулирования развеивается, выясняется, что выживает вовсе не обязательно то, что идет на пользу обществу.

Дело в том, что наше восприятие собственного «я», происходящее из фрагментированного мышления, также фрагментировано. И, не затронутое всеми прочими аспектами жизни, оно не обладает способностью мыслить целостно - оно мыслит только индивидуалистически.

Наша цивилизация построена на таких фрагментах и соответствующим образом воспитывает каждое новое поколение. Чрезмерное внимание, уделяемое развитию мышления, лишь усугубляет эту трагическую эволюционную аномалию. Если современное ощущение «я» не будет смягчено ощущением пространства, сообщества и взаимоотношений, то нашу прямолинейную личность ждет участь прямолинейных динозавров. Чувство личности жизненно важно, незаменимо, и его необходимо всячески пестовать. Но личность как феномен жизни находится во взаимосвязи со всем, что в ней есть. Благодаря пониманию этого отдельное «я» и становится мудрым, сострадающим и устойчивым. Ведь единственным препятствием для реализации личностью своей безграничной свободы может быть лишь глубокое чувство ответственности и взаимосвязи - естественное самовыражение человеческого существа.

В своей обольщенности мышлением - а ведь это лишь один из аспектов человеческого опыта - мы создали культуру эгоизма, которая гордится своей разобщенностью. Мы воспитываем наших детей для конкуренции, вознаграждая тех, кто преуспел в выживании и карбонии наверх. Мы вознаграждаем индивидуализм, не задумываясь о его роли в нашей жизни.

Забывая об ограниченности мыслительной функции, мы отождествляем с ней всю человеческую психологию. Мысль - это всего лишь технологический инструмент, и человек гораздо больше ее. Индивидуум, который остается только индивидуумом, использует не все возможности человеческого существа. Человеческий потенциал позволяет нам быть

абсолютно, даже, можно сказать, фантастически индивидуальными, но при этом в полной мере взаимодействовать со всей жизнью. Но нас не учат этому в школе. Мы не сдаем экзаменов, которые выявляли бы это умение. Целостное человеческое существо не возвышается над другими - оно стоит вровень со всеми.

Что, если бы Декарт, столкнувшись с проблемой «я», понял его как интегрированную, а не изолированную сущность? Что, если бы он заявил: «Я люблю, следовательно, существую»? Что, если бы мы поверили в это и построили наше общество на связи людей между собой - общество, где ценились бы щедрость, помощь и врачевание, а роль мышления состояла бы в том, чтобы способствовать сопереживанию? Какой была бы школа в таком обществе и чему бы она учила?

Хватит ли нам мужества теперь, вооружившись знаниями, усомниться в том, кто мы есть? Сумеет ли мы вернуть мышлению его истинные функции, одновременно признав и его ограниченность? Научимся ли рассматривать каждого мыслителя и его мысли с точки зрения нашей всеобщей взаимосвязанности? Осознаем ли мысль как инструмент, действующий в контексте целостной жизни?

Чем станет образование, если оно расширится настолько, что сумеет воспитать целостного ребенка?

Ничто - вот то, что вы ищете!

Если наблюдать, порой можно многое увидеть.

Йоги Берра

Когда мы говорим детям, что информация - это самый важный элемент образования, мы украдкой подсовываем им порочную систему ценностей, свойственную нашей цивилизации. Истинная цена информации не высока. Со временем большая часть того, что мы заучиваем, устаревает или перестает быть нужной. В нашем мире слишком много информации и слишком мало смысла. Поэтому нашим детям нужен не поток сведений, а умение думать, позволяющее этот поток организовывать и использовать.

Информационная перегрузка в наших школах - это издержки цивилизации, которая одержима информацией, торговлей и информацией как торговлей. На наших телеэкранах - котировки акций фондовой биржи. Между этими сводками - реклама продукции, без которой, как нам внушают, мы не сможем жить. Перед тем как отправиться на работу, мы просматриваем газеты, а по пути слушаем радио.

Чего мы ищем? Мы со всевозрастающей скоростью накапливаем информацию, но зачем? В безумном порыве добыть и записать как можно больше информации мы утратили смысл, утратили то, что побуждает нас действовать.

И это - «прекрасный новый мир» информационного насыщения, где данные продаются и покупаются, где личность сведена к статистической покупательской единице. Получение каждого сообщения - тоже потребление, а средством его передачи становится все: от названий стадионов до карманов рубашек, которые мы носим. Нет ничего, что не могло бы стать товаром, если его упаковать и продавать. Рынок существует даже для «ничто» - нужно только знать, как им торговать.

Недавно в Новой Зеландии один молодой художник-оформитель задумался о рекламе и ее причудах, о ее способности принуждать потребителя покупать самые странные вещи, которые ему вовсе не нужны. В результате он провел блестящий социальный эксперимент.

Художник решил, что наилучшим из несуществующих товаров для рынка будет НИЧТО™. По всему Окленду были расклеены плакаты: «НИЧТО™ - вот то, что вы ищете!» На плакате, конечно же, была изображена красивая женщина, устремившая свой взгляд куда-

то вдаль. Вскоре стали раздаваться телефонные звонки: люди готовы были купить то, чего у них и так, надо думать, было предостаточно.

Кампания НИЧТО™ продемонстрировала способность денег продавать, способность зрительного образа внушить покупателям мысль о существовании у них потребности, о которой они даже не подозревали. Но самое главное, эта кампания продемонстрировала, что в мире информации даже «ничто» может стать «чем-то».

Если «ничто» может стать «чем-то», то как мы можем быть уверены, что наше «всё» не есть «ничто»? А что, если «всё» - это просто красиво упакованное «ничто», хитроумно внедренное в наши мозги как что-то не просто важное, а насущно необходимое? Что, если «всё» - это «ничто», снабженное привлекательными картинками и продаваемое нам, как... «то, что мы ищем»?

Такова власть информации. Нам внушают: то, что мы ищем, - это более полная информация, это информация лучшего качества, это исчерпывающая информация. В этом суть современного образования. Если впихнуть в себя достаточно информации, то у нас будет всё.

А что, если «всё» - это совсем не то, что нам нужно? Что, если маркетинг информации просто убедил нас накапливать побольше всего, побольше «ничто», побольше чего угодно? И что, если на самом деле нам ничего этого не нужно? И тем не менее мы воспитываем детей так, словно этот бесконечный поток информации и есть то, в чем они нуждаются.

Культура бесконечного маркетинга работает без устали.

Куда бы мы ни посмотрели, мы видим логотипы корпораций. БОЛЬШЕ™. Стадион БОЛЬШЕ™. Предоставлено вам фирмой БОЛЬШЕ™ (вот вы и будете покупать больше). Сделала для вас фирма БОЛЬШЕ™. Спонсировала фирма БОЛЬШЕ™. И это еще не всё.

Вездесущие плакаты, на которых вы видите прекрасную девушку или мускулистого молодого человека со слоганом «БОЛЬШЕ™... Вот то, что вы искали». Или просто: «Покупайте БОЛЬШЕ™».

И что мы чувствуем, глядя на эти сообщения? Кажется ли нам, что, не приобретя больше, мы что-то потеряем? Или у нас возникает такое беспокойное чувство, что и это сообщение, и этот продукт, и эта информация, хитроумно заложенная в средство^{*} ее передачи, никак не связаны с тем, что мы ищем на самом деле?

Не кажется ли вам, что если малое прекрасно, то не большее, а меньшее принесет нам радость? Почему же мы, словно фантастические мастера айкидо, принуждены сражаться со стремящимися к нам со всех сторон потоками информации, помогая им стекаться в несуществующий мир НИЧТО™?

Не лучше ли развернуть противомаркетинговую кампанию под девизом «ОСОЗНАНИЕ™... Вот то, что вы ищете»?

Осознание не требует как можно *больше* информации, для него хватит *достаточно* ее количества. О таком умении думать, о способности преобразовывать информацию в мудрость, редко упоминают в школе. Но если осознание не входит в число того, что мы даем нашим детям, то не превращаем ли мы их в автоматы для потребления бесконечного потока бессмысленных сведений и продукции?

Маленький ребенок хранит в себе огромное количество потенциальных образов мышления. Его потребность в информации огромна, но она направляется и сдерживается другими особенностями организма - восприятием, ощущением, телесными стремлениями к движению и игре. Мы можем нацелить всю жизненную энергию ребенка на поглощение информации, но без умения мыслить целостно получится взрослый, владеющий огромным набором разрозненных сведений и не способный свести их воедино.

Новая реальность – слияние факта и вымысла

Всю свою жизнь я хотел быть кем-то. Теперь я понимаю, что следовало быть конкретнее.

Стивен Райт

Они лишь факты. Традиционное образование учит фактам. Возможно, в прежние времена очевидные факты и существовали, но сегодня перед нами сложный мир, в котором способ понимания реальности претерпевает непростые изменения. Компьютер генерирует виртуальные образы, создает воображаемые миры, а вечно бодрствующие средства массовой информации сообщают нам о нереальных событиях, происходящих в реальном мире, - и все это борется между собой за власть над нашим сознанием. Как научить наших детей ориентироваться в этих информационных потоках? Каким должен быть образ мышления, который поможет разобраться в водовороте сведений, чтобы найти достойное внимания?

Вот в штате Мэриленд начинается невинное туристическое путешествие, которое закончится трагедией: мы смотрим документальное видео, отснятое на любительскую камеру неуверенной дрожащей рукой. Но когда в кадре появляется ведьма, мы догадываемся, что это вымысел. Нам показывают художественный фильм, снятый в документальном стиле. «Ведьма из Блэр: курсовая с того света» - новаторский игровой кинофильм. *Вымысел, похожий на факт.*

А вот сцена семейной ссоры с насилием. Когда в дом вламываются полицейские, чтобы успокоить разбушевавшегося пьяницу, мы слышим взволнованные голоса, объясняющие, что же произошло. Мы вспоминаем, что смотрим телевизор. Что это - драма, снятая для телевидения? Отчасти это так: фильм снят для телевидения и события драматичны. Но то, что мы увидели, было настоящей полицейской операцией. Камера фиксировала то, что происходило на самом деле, комментарии давал полицейский, выломавший дверь, а актерами стали те несчастные, которым случилось быть застигнутыми камерой в момент нарушения закона. «Полицейские» - новаторское реалити-шоу. *Факт, похожий на вымысел.*

В любой день мы можем увидеть по телевизору ток-шоу с участием людей, чьи жизни необычнее любого вымысла. Актеры-ведущие разогревают любопытство зрителей. Перед аудиторией выступает герой, вышколенный режиссером так, чтобы его азарт сметал любые преграды в виде здравого смысла. Участники по знаку аплодируют и выражают свой энтузиазм всеми дозволенными способами. А после рекламы всем желающим поучаствовать в шоу предлагают позвонить в программу по бесплатному номеру, «если ваша жизнь ни~на что не похожа и вы хотите поделиться своими заскоками с миллионами зрителей». Многие стремятся попасть на шоу обманным путем - просто выдумывают о себе всякие странности. И, несмотря на попытки отсеять обманщиков, именно они главным образом и появляются в программе, отчего все выглядит еще более странным, а рейтинг передачи растет еще выше. Мы, зрители, делаем вид, что это шоу страстей нас ничуть не привлекает, что мы просто случайно оказались перед телевизором, а если и заинтересовались, то исключительно ради социологии. Но мы, конечно же, продолжаем смотреть, потому что такие вот образы обитают в наших самых темных фантазиях, самых пугающих ночных кошмарах, а время от времени - и в голубых мечтах. И мы уже не знаем, что в этих программах факт, а что - вымысел, грани стираются. *Факт и вымысел одновременно.*

Отправьтесь в Интернет, и там вы тоже найдете удивительную реальность. В доме, где живут девять студенток, круглосуточно работают установленные повсюду камеры и передают все, что там происходит. Те, кому интересно, могут смотреть, как эти девушки спят, едят, моются, одеваются и раздеваются. Только не забудьте внести ежемесячную плату со своей кредитки. Оказывается, это бизнес. Хотя все по-настоящему. Почти по-настоящему. Женщинам платят, чтобы они жили в этом доме. Вебсайт принадлежит крупному порнографу. А все это - факт, созданный воображением и предпринимательским талантом

бизнесмена. *Вымышленный факт.*

По МТБ транслируется очередное телешоу под названием «Реальный мир». Продюсеры выбрали семью и без всяких сценариев позволили ей жить своей жизнью под наблюдением камер. Получилась суперпопулярная мыльная опера, которая происходит на самом деле. Конечно, в ходе реализации проекта случались и трудности. Так, однажды молодая девица из этого семейства так напилась, что чуть не умерла от алкогольного отравления. Камеры, тем не менее, все хладнокровно фиксировали: еще бы, ведь, согласно контракту, шоу называется «Реальный мир». Говоря словами Библии, сторожа ли мы брату нашему, если нужно создать телешоу? Так чем же является этот искусственно созданный, лишенный духовной сути нормальных человеческих отношений «Реальный мир» - фактом или вымыслом? Это не реальный, а синтетический факт, а точнее - *фактографический вымысел.*

Но если «Реальный мир» - на самом деле фактографический вымысел, то что же готовит нам реальный мир?

А вот что. Мы не можем доверить жизнь наших детей современной цивилизации. Это совершенно очевидно. Гораздо лучше доверить цивилизацию нашим детям, предварительно «вооружив» их так, чтобы они смогли понять, какие силы выпущены на свободу и пытаются «информировать» их, манипулировать ими, продавать их. Разум целостного человеческого существа способен ориентироваться в быстро меняющемся мире, где завтра ничуть не похоже на сегодня, где факт и вымысел переплетаются друг с другом, приводимые в действие рекламными долларами. Если нашим детям будет предоставлен шанс, то они попытаются преобразовать нашу цивилизацию, прежде чем она поглотит их.

Попкорн для ума

Средство есть сообщение.

Маршалл Маклюэн

Современная цивилизация повторяет нашим детям: «Скажи *НЕТ* наркотикам!», а потом: «Скажи *ДА!*» - жуткому насилию на экранах телевизоров и кинотеатров, коммерциализации, сверхсексуализированному миру фэнтези и утверждению, что счастье и материальное благополучие - это одно и то же. Проникновение этой ненасытной и деструктивной культуры в души наших детей не менее разрушительно, чем пресловутые наркотики. Все, что мы потребляем, - своего рода наркотик, поскольку он изменяет способ восприятия реальности нашим сознанием. Ум находит пищу везде.

Какие изменения происходят в душе восьмилетнего ребенка, который видит, как один человек убивает другого? А если один человек убивает сотни других? Не изменилось ли сознание того, кто видел это? Не повредился ли он душой? Почему общество, порицая другие изменяющие мозг средства, ценит и вознаграждает тех, кто показывает *такое*?

Образы насилия, захлестнувшие коммерческие средства информации, в буквальном смысле изменяют химию детского мозга. Они возбуждают его, отражаются в ночных кошмарах, проявляются в поведении детей. Это наркотик. Он изменяет состояние ума и вызывает побочные эффекты.

А какие изменения происходят в организме восьмилетнего человека, который ест суррогатную пищу вместо полноценных продуктов? Не влияет ли на здоровье и сознание варварское потребление сахара, соли, жиров и химических добавок? Есть ли разница между заботливо выращенной и приготовленной пищей и тем, что производят конвейеры пищевых фабрик? А как влияет на сознание ребенка этот одноразовый мир бросовых оберток и упаковок, в которых мы получаем продукты?

А как насчет мигающего дневного света в школах, мертвенного цвета компьютерных

мониторов и телевизоров, проникающих повсюду излучений электронного мира, в котором мы обитаем? Как насчет вечной нехватки времени, бесконечных требований и давления, в условиях которых живет ребенок? Как насчет психологического воздействия на него ссор между родителями и разводов, когда родители устают ссориться? Разве мы уже не обеспечили изменений в химии мозга?

А теперь давайте подавать непрерывный поток информации и стимулировать высокий уровень умственной активности. Давайте вознаграждать технологические, экономические, спортивные, медицинские достижения и не обращать внимания на все остальное.

Как поживает наш маленький мозг?

И не забудем о противонаркотической пропаганде. «Скажи НЕТ!» «Наберись МУЖЕСТВА освободиться от наркотиков». Будем награждать детишек, посылая их на игры бейсбольных команд.

Детки слишком активны в школе? Им поможет немного амфетамина. Школа нагоняет на детей депрессию? И для этого есть препараты. Это хорошие препараты. Это вам не плохие наркотики. Вот только рецептик нужно получить.

Вся наша среда пропитана наркотиками. Это наша пища для ума. А мы ведь, как известно, едим то, что мы едим.

Наши сомнения

Если смесь не взбалтывать, она застаивается
Гераклит.

Если мы поверим, что миром управляет рынок, мы с легкостью поверим и в то, что наших детей нужно готовить для рынка. И раз уж они, как и все в этом мире, являются товаром, то почему бы не сделать их товаром максимально качественным? Наградой за совершенство станет более высокая рыночная цена.

Если мы поверим.

Но большинство из нас, к счастью, не верит тому, о чем пишут газеты и журналы. Мы не верим телевизионным программам новостей. Информация, которая изливается на нас из этих источников, извращена настолько, что у нас кружится голова. Мы знаем, что средства массовой информации благоволят либо величайшим из лжецов, либо тем, кто имеет нужные связи. А те, кто подвергается остракизму, - либо плохие лжецы, либо в чем-то виноваты, либо и то и другое.

Мы больше не верим ученым. Мы помним те времена, когда верили им. Они обещали нам рациональный мир, основанный на научных исследованиях и объективной реальности. Они говорили нам, что жиры в пище - это плохо. Потом они поняли, что некоторые из жиров хороши - так

появились плохие и хорошие жиры. А теперь они запускают пробные шары в связи с проблемами безжировых диет.

Ученые слишком много спорят между собой и постоянно меняют свои мнения. Мы подозреваем, что они далеко не так рациональны и объективны, как говорят. Некоторые из них даже верят в Бога.

Когда-то мы верили в наших врачей. Но сегодня медицина все больше поддерживает чьи-то коммерческие интересы, а воротилы от медицины не очень-то озабочены такими вещами, как сострадание.

Тем временем медицинские школы, стремясь поддержать врачей, чьи подупавшие доходы порой не дотягивают до шестизначной цифры, сокращают прием новых студентов. Чтобы не допустить снижения своих доходов, руководители здравоохранения заменяют

докторов фельдшерами, фельдшеров медсестрами, а сестер санитарками. Роль же последних ложится на самих больных, научившихся самостоятельно толкать свои каталки и выносить за собой утки.

Чиновник системы здравоохранения, сестра и доктор стоят в очереди и ждут, когда их допустят в рай. Первым со святым Петром беседует доктор, который говорит, что сделал все возможное, чтобы помочь больным. Святой Петр пропускает его в рай.

Потом сестра говорит, что сделала все возможное, помогая доктору лечить пациентов. И она тоже получает свое место в раю.

Наконец перед святым Петром предстает чиновник, который говорит, что просто-напросто вел бизнес по-американски - искал возможности обеспечить наибольшую эффективность и следил, чтобы доходы не упали ниже определенного уровня. Святой Петр ненадолго задумался, а потом сказал: «Хорошо, можешь проходить в рай, но только на три дня».

Подобную же бизнес-модель прогрессивное общество применяет и к общественным школам: слова *образование* и *эффективность* используются так, будто они неразрывно связаны друг с другом. Правдивая фраза «миллиарды долларов общественных денег передаются частным корпорациям» заменяется словечком «приватизация». Заправилами от бизнеса смотрят на школы как на фабрики, на обучение - как на конвейерное производство, в котором все можно нормировать и измерять, словно на мясокомбинате. Образовательные корпорации прибирают к рукам отстающие школы и вводят специальные программы обучения, которые нацелены на подготовку к экзаменам и совершенно не учитывают интересов ребенка или учителя. Важны лишь те результаты, которые позволят получить больше контрактов, больше прибылей.

Другие корпорации создают интернет-школы, которые с религиозным фанатизмом поставляют тщательно отобранную, переваренную информацию. Они кормят детишек в возрасте от пяти до восемнадцати лет с ложечки только тем, что, по их мнению, требуется, и присылают им виртуальные поздравления, когда дети, на их взгляд, добиваются успехов, и подарки, если дети овладевают столь выдающимися навыками, как включение компьютера.

А бывают компании, которые бесплатно устанавливают в классах телевизоры, соединенные кабелем прямо с офисами корпораций, где снимаются бесплатные же телеуроки. И, разумеется, в передачах присутствует учебная реклама и маркетинг продуктов, которыми ваши дети так или иначе должны заинтересоваться.

Все эти компании сражаются за свою часть многомиллиардного пирога образования. Мультипликационные студии соперничают за умы малышей, которые смотрят телевизор больше, чем другие возрастные группы. Другие корпорации соперничают за мозги школьников. Будущее предсказать нетрудно: какая-нибудь корпорация скупит все остальные, и тогда олигархия сможет полностью контролировать образование наших детей. Могу вас заверить, что все будет осуществляться с высокой степенью эффективности и прибыли. Уровень учащихся будет неуклонно повышаться, во всяком случае, улучшатся результаты тестирования. А ведь нас уже убедили, что именно результаты тестирования являются мерилем успехов наших детей. По крайней мере, корпорации делают все возможное, чтобы мы уверовали в это.

Важные институты нашей цивилизации - образование, наука, медицина, пресса - пребывают под сильнейшим давлением: на них воздействует безудержное стремление к прибыли и эффективности. Похоже, вскоре у нас не останется иной цели, иного девиза и иной веры, кроме эффективности и прибыли. Ведь именно благодаря им мы живем в лучшем из материальных миров.

Если мы верим в это.

Но ведь мы не верим.

Мы знаем, что обзор новостей должен отражать весь диапазон точек зрения, что наука

должна быть открытым исследованием, а медицина - исцелять и основываться на сострадании, что образование - это движимая любовью передача мудрости растущему поколению, а прибыль и эффективность тут ни при чем. Мы знаем, что бизнес должен поддерживать культурные начинания, а не направлять их. Мы ведь все это знаем, правда? Почему же тогда наши общественные институты отражают то, во что мы не верим, а не то, что воплощало бы нашу заботу друг о друге и о себе самих? Может быть, нам стоит умерить свои аппетиты и поменьше думать о материальных благах? И тогда мы, возможно, сумели бы расчистить для наших детей новый путь, чтобы они повели по нему своих детей к такому миру, в котором наша нынешняя разобщенность была бы забыта, как страшный сон.

Суть образования

Не верьте никому старше трех лет

Интуитивное понимание грамматики маленьким ребенком - вещь куда более сложная, чем самый толстый учебник и самый современный компьютерный язык.

Стивен Пинкер

Все, кто имеет дело с маленькими детьми, знают, что первые годы жизни - это возраст неукротимой любознательности. В три года все в мире кажется таким новым и непонятым. Большие вопросы просты в этом возрасте, и сводятся они к одному: «Почему?»

Возвышаясь над этими маленькими почемучками, мы, взрослые, считаем своим долгом давать ответы на их вопросы. Но роль ходячей энциклопедии скоро становится нам не по плечу - появляются такие вопросы, ответов на которые у нас нет. Мало-помалу любопытство детей нас раздражает, и мы начинаем прибегать к принуждению.

- Сними, пожалуйста, носки.
- Почему?
- Они промокли.
- Почему?
- Потому что ты вступил в лужу.
- Почему?
- Потому что тебе так захотелось.
- Почему?
- Сними носки немедленно.

И так целый день и день за днем.

Почему мы принимаем такое поведение трехлетнего ребенка за поиски ответов? Мы забыли, в чем заключается суть этого непреходящего любопытства. Обитая в мире относительной определенности, мы вообразили, что и ребенок стремится к тому же.

Потому-то и нельзя доверять никому старше трех лет. Маленькие дети *просто любопытны*. Когда они что-то узнают, их любопытство не насыщается. Эту жажду не утолить ответами. Они хотят знать больше, независимо от того, что они уже узнали. Их вопросы о жизни и есть их жизнь. Поэтому мы не можем ответить детям на их вопросы. Однако мы можем присоединиться к ним в их расспросах. Для этого нам придется оставить все свои ответы... Возможно, мы потеряем ощущение времени. Возможно, сегодня нам не удастся сделать ничего из намеченного. Возможно, заданный вопрос окажется лишенным всякого смысла, а вся эта суета - сплошной глупостью, как игра без ведения счета, без конца... без победителя.

Нам скажут, что пришло время приступить к какой-то другой игре - с четкими правилами, с ясным распределением ролей и элементом соревнования. Ведь, в конечном счете, в реальной жизни детям придется иметь дело именно с этим. Так почему же им

хочется тратить столько времени на *просто игру!*

Скорее всего, нам следовало бы внушить им, что на большинство вопросов есть ответы, а когда ответа нет, нужно заняться чем-нибудь другим, оставив наконец эти бесконечные вопросы. Со временем нам удастся научить их меньше удивляться, с большей легкостью отказываться от своих вопросов и принимать ответы как нечто окончательное - вот тогда они будут готовы к школе. После школы они смогут жить продуктивной жизнью. А мы сможем вернуться к тому, чем занимались, - уж это, безусловно, дело крайне важное.

А что, если поощрять эти расспросы, а не подавлять их? Интересно, каковы возможности ребенка, чья любознательность не знает границ? И как тогда изменимся мы, родители? Как изменятся наши ответы? Как изменится наш мир?

Мы словно боимся своих детей с их бесконечной жадой открытий, их неугомонной энергией и ясными глазами. Неужели мы сами настолько изменились, что забыли, насколько это ценно? Неужели созданный нами мир просто не выдерживает их взгляда?

Если мы не посвятим свою жизнь этой Жажде открытий в наших детях и в себе самих, если мы ограничим своих детей заранее сформулированными ответами, мы все равно столкнемся с этим простым и неизбежным вопросом.

Почему?

Если вы не боитесь задать его самому себе, проведите несложный эксперимент. Только выспитесь хорошенько накануне. Позвоните приятелю, у которого есть маленький ребенок, а лучше - несколько малышей. (Если у вас у самого есть дети, то в эксперименте нет надобности - вы уже и без того свое получили. Просто отправляйтесь спать.) Проведите целый день с этим ребенком или детьми, но не как

взрослый надсмотрщик, а как участник их игр. Играйте без всяких оговорок. Играйте, жуя бутерброд, играйте за обедом.

Просто играйте.

Все, что вас окружает, - часть игры. Весь остальной мир, кроме вашего непосредственного окружения, перестал существовать. Нет никаких сложных отношений. Нет никаких счетов к оплате. Есть только игра.

Ну и как вам это развлечение - оно вас волнует, выматывает или и то и другое? Ищете ли вы какой-то смысл в игре? Стремитесь ли формулировать правила? Хотите ли чего-нибудь достичь? А как вы себя чувствуете в конце целого дня игры? Каким вам теперь кажется наш взрослый мир? Акаким - мир ребенка? Попробуйте, поэкспериментируйте в течение одного дня или хотя бы часа. А если вы и в самом деле настроены серьезно, то продолжайте так экспериментировать всю оставшуюся жизнь. Спросите себя: «Почему?», но не отвечайте на вопрос, и не переставайте его задавать.

Мудрость незнания

Главный источник проблем - их решения.

Милтон Берл

Однажды в многолюдном обществе Сократу был задан провокационный вопрос: кто из известных ему философов глубже всех постиг истину? Презрев людскую зависть и ревность, мудрец ответил с иронией: «Сократ знает больше всех, потому что он знает, что ничего не знает».

По сей день мы помним Сократа как одного из самых выдающихся мыслителей, тогда как большинство его современников канули в небытие, а их некогда великие прозрения остались на обочине философской мысли.

Кто как не Сократ глубоко понимал природу учения. Он развил собственный метод

рассуждения и обучения при помощи диалога, основанного на последовательности вопросов. Один из величайших учителей всех времен, Сократ пришел к убеждению, что учить и учиться нечему - знание жизни присуще каждому человеку от рождения, вопросы же помогают обнажить то, что и так известно.

В те времена учителя, именовавшиеся софистами, взимали с учеников плату за знания и постижение философии. Разумеется, тот учитель, чьи ученики уходили к его «более мудрому» коллеге, ничего не получал. Поэтому в борьбе за славу и учеников софисты упражнялись в витиеватых самонадеянных рассуждениях, позволявших им логически «обосновать» любую свою мысль. Они подарили нам термин «софизм», что означает вводящее в заблуждение логическое построение. И тень этих мудрецов, похоже, по сей день лежит на нашей системе образования.

Надо ли говорить, что великий Сократ оспаривал истинность учения софистов. К тому же он отказывался от платы за обучение. А за пристрастие к неудобным вопросам и непримиримость, с которой он доказывал, что для власть имущих лучше, когда люди задают меньше вопросов, мудрец был приговорен к смерти.

Прошли тысячи лет, но эхо сократовских вопросов по-прежнему волнует общество. Нынешние образовательные институты успешно забыли об их важности и теперь поддерживают новые, усложненные формы софистики. Власть имущие по-прежнему дают нам понять, что прямые и ясные вопросы у них не в чести.

И хотя мало кто возьмет на себя смелость утверждать, что с государственным образованием у нас все в порядке, еще меньше наберется тех, кто признает, что причиной всему - нелюбовь к вопросам. Не утихают споры между сторонниками разных систем финансирования, учебных программ и способов оценивания. Но все эти споры не выходят за рамки софистики, ведь от их исхода зависят доходы спорщиков.

А что, если все эти деловые люди ошибаются? Что, если проблема образования действительно заключается в том, что оно препятствует расспросам? Что такого понятия, как «слишком много вопросов», быть не должно? Что, если прав был Сократ?

Если Сократ был прав, тогда вопрос - это учитель, школа и учебник. Нет необходимости учить, когда есть необходимость учиться. Нет необходимости в ответах, когда есть настоящие вопросы. В образовании, построенном на вопросах, не может быть никаких программ, никаких экзаменов, потому что вопрос всегда открыт, не оформлен окончательно и не имеет границ.

Вопрос - жив; ответ - мертв. Тут-то и проигрывают наши школы: они полны ответов. Вопросы, которые «подходят» к заданным ответам, поощряются, на них обращают внимание, они служат источником вознаграждения. Вопросы же, не соответствующие нужным ответам, отвергаются и влекут за собой наказание.

Если рабочий задает вопросы, то эффективность конвейера от этого не выигрывает. Поэтому государственное образование учило навыкам, а не творчеству. Когда-то промышленности нужна была именно такая рабочая сила, теперь же на сей счет былой уверенности нет. Компьютеры и автоматизация сводят на нет потребность в таких механических движениях, для которых достаточно не критического мышления. На производстве ощущается нехватка творчески мыслящих людей - конструкторов, новаторов - тех, кто принимает решения. И в этом нет ничего удивительного, поскольку государственное образование продолжает функционировать по принципам тех времен, когда закладывались его основы, - времен промышленной революции.

Мы живем в информационный век, с огромной скоростью двигаясь к тому неизвестному, что будет после него. Век промышленности занял столетия, но продолжительность века информационного, возможно, не превысит и нескольких десятилетий. Ядро промышленности теперь составляют компьютеры, и уж они-то

накапливают и отбирают информацию гораздо лучше человека. А со временем машины приобретут еще и способность комплексного осмысления, осваивая все новые сферы возможностей, ранее принадлежавшие исключительно человеку. Что ж, наши синапсы попросту медленней машин.

Так в чем же состоит цель образования перед лицом этого неминуемого морального устаревания человеческого разума? Неужели-мы будем продолжать учить информации просто потому, что образование больше ничего не умеет? Образование само давно морально устарело, только не отдает себе в этом отчета. Оно само нуждается в образовании.

А тем временем властные структуры нашей общественной системы выносят - как в свое время Сократу - смертный приговор любознательности и творческому импульсу нашей молодежи.

Сократ мог бы спросить: «Надо ли взрослым формулировать вопрос, который изначально присущ любому ребенку?»

Духовность и обучение *

Нас всех выучили обходиться вообще без духовной жизни.

Джон Гатто

Как-то так повелось, что внедрение в головы детей культурных концепций мы называем образованием. Более того, мы боимся, что, не будучи подвергнуты такому окультуриванию, наши дети потерпят в жизни фиаско. Любые учебные программы - будь то «Великие книги» некогда модного у нас курса гуманитарного образования или руководство по изучению какой-нибудь точной науки - представляют собой моделирование того, каким должен быть образованный человек и, что еще важнее, как этот человек должен *функционировать* в обществе.

Родители боятся за своих детей и потому препоручают их «высшим» силам, которые причесывают всех под одну гребенку и комплектуют в одно социальное целое. Но за родительское спокойствие приходится платить. И этой ценой становится разбазаривание творческого потенциала ребенка и его стремления к самовыражению (уж это-то в процессе образования искореняется напрочь!).

Мы боимся, что если не отдать ребенка этой унифицирующей системе, то ему предстоит жизнь, полная трудностей и поражений. Он окажется белой вороной. У него не будет ни необходимых навыков, ни дисциплины. Он не сумеет себя реализовать, не сможет быть эффективным, не найдет работы и т. д. и т. п. А если поражение ждет нашего ребенка, значит, оно ждет и нас. Вот чего боятся родители, вот чего боялись и их родители.

Но если мы научимся жить равнодушно, мы сможем сами разобраться со своими страхами, вместо того чтобы передавать их следующему поколению. Мы сможем создать такие общественные формы, которые будут отражением жизни, полной любви и любопытства. Сообщества по интересам (Intentional living communities), школы с ученическим самоуправлением, устойчивые кооперативные коммерческие предприятия, экологически чистые пищевые производства; благотворительные организации, основанные на человеческих взаимоотношениях; некоммерческие объединения в сфере искусства и журналистики... В такой жизни находится место книгам и компьютерам, краскам и музыкальным инструментам, мистикам и ясновидцам, не говоря уже о предпринимателях, ремесленниках и ученых. А разве может ребенок остаться необразованным в семье, в обществе, где живут полнокровной жизнью?

Однако если домашнее обучение соответствует потребностям моего ребенка, то это не значит, что оно способно удовлетворить потребностям каждого. Для благополучия вашего ребенка домашнее обучение необходимо, если нет лучшей альтернативы. Но возможность

такой альтернативы должна существовать всегда и для всех детей.

Реальный мир не соответствует желаемым идеалам. Ваша жизнь может быть полна педагогических изысков, но чтобы должным образом увязать ее с жизнью общества, реально приходится бороться с многочисленными трудностями.

Учебные сообщества также полны изъянов. В наше время уже почти каждый ребенок может получить доступ к образованию по своему выбору. Но учебные сообщества еще недостаточно зрелы для того, чтобы обеспечить детям более полное, естественное и целостное освобождение от школьных пут. Таков уровень духовного осознания взаимосвязанности нашей жизни, ведь он находит выражение в тех формах, которые мы создаем.

Даже основанный на принципах свободы и ответственности, учебный центр будет оставаться несовершенным до тех пор, пока он не научится непринужденно взаимодействовать со всеми окружающими его семьями, предприятиями, организациями, равно как и со всем миром. Обучение, в конечном счете, может быть вообще освобождено от привязанности к определенному институту и возвращено в то свое естественное состояние, когда его единственным стимулом было любопытство, когда оно продолжалось всю жизнь и охватывало все стороны человеческого существа.

Но все это - чистое теоретизирование, если только мы активно не воплощаем эти идеи в жизнь, не проверяем их, соединяя свои слова со своей жизнью. Для живого эксперимента потребуются некая чистая среда, способная впитывать новое и сообщаться с внешним миром. А иначе - без этой открытости - мы получим затхлый объем, замкнутый сам на себя. Конечно, мы можем создать эдакий маленький мирок для себя и своих близких, в особенности для своих детей. Но с точки зрения целостности он не будет ни учебным сообществом, ни сообществом вообще. Закрытый альтернативный мирок - это всего лишь обратная сторона массовой стадной культуры, ее неотъемлемая часть. Жизнь, полная любопытства, жизнь открытого обучения требует исследования всего сущего и контакта с ним.

Мы обладаем способностью не теряться среди десятков тысяч разнообразных проявлений жизни просто потому, что все они, по существу, связаны общностью нашего сознания. Давайте же не будем их сортировать, отделяя те, что нас радуют, от тех, что не радуют. Давайте просто воспринимать их такими, как они есть, привнося в свою жизнь необходимые перемены и сводя воедино разрозненные элементы. Кто из нас готов покинуть виртуальный мир безопасности и шагнуть в действительность, полную экспериментов и неутолимого любопытства? Это вопрос не только к нашим детям, но и к каждому из нас.

Наставничество и образование

Можно только диву даваться, что современные методы обучения еще не полностью удушили жажду исследований. Ведь это нежное маленькое растение, кроме ухода, требует в первую очередь свободы. Без свободы оно вянет и засыхает. Было бы серьезной ошибкой думать, что радость видеть и искать будет уживаться с кнутом в виде принуждения и чувства долга. Напротив, я верю, что даже здорового хищника можно было бы отучить от прожорливости, если с помощью кнута заставлять его непрерывно есть, даже когда он не голоден. Тем более если пишу еще и подбирать соответствующим образом.

Альберт Эйнштейн

Вряд ли мы отыщем целостное образование там, где ребенок учится у взрослых. Оно там, где ребенок учится у детей, где учитель учится у ребенка, где персонал учебного центра учит родителей, а родители учат персонал. Обучение происходит во всех направлениях и во

всех измерениях бытия - интеллектуальном, эмоциональном и духовном. Дети обладают творческим потенциалом. Они набираются мудрости. Что касается взрослых, то многие из них свой творческий потенциал уже растеряли, а мудрость раздали.

Я не хочу сказать, что ребенку нечему научиться у взрослых, - все дело в том, как происходит это обучение. Жизнь говорит нам, что вполне достаточно, чтобы взрослые не уничтожали ребенка: остальное он откроет для себя сам. Но если обучение принудительное, то ребенок учится только одному: главное в жизни - это сила. Так и происходит его уничтожение.

Человека нельзя избавить от трудностей, свойственных человеческому существованию. Перед каждым из нас стоит экзистенциальная задача - понять, что такое моя жизнь и для чего она мне дана. Является ли жизнь исключительно материальной? Дана ли для того, чтобы приобретать и обладать? Каждая личность, каждый ребенок (не будем забывать, что ребенок - это личность) должен ответить на этот вопрос, жить в соответствии со своим ответом, а потом задуматься, верен этот ответ или нет. В любой среде найдутся дети, которые скажут: «Да, я хочу получить все, что только можно». Таковы их устремления. Но могут быть и другие ответы, другие устремления.

По мере того как дети проходят обучение, делают выборы и терпят неудачи, а может, и добиваются побед, в игру вступает их врожденный интеллект. И если им предоставить свободу, разве они не почувствуют себя настолько свободными в своих исследованиях, чтобы обратиться за помощью, если таковая понадобится? Разве они не захотят обратиться к специалистам, к тем, кто овладел знаниями в данной области?

Наставник, мастер, художник или исследователь может обучать совсем не так, как учитель. Увлеченный человек учит, излучая радость и любовь, которые он испытывает по отношению к своему предмету. И вот ученик говорит: «Меня интересует эта технология, ремесло, область знаний, а у вас есть что сказать по этому поводу. Я бы тоже хотел этому научиться. Как мне это сделать?» Таково начало диалога, несущего знания и мудрость. Осознание своих потребностей, созидание отношений и исполнение договора - вот важнейшие элементы процесса образования.

Условия передачи знаний определяются участниками соглашения. Я могу сказать: «Я хочу приходить каждый понедельник в полдень и учиться игре на скрипке». А вы отвечаете: «Что ж, отлично, но вам придется заниматься пять часов в неделю, потому что я не стану попусту тратить свое время, если вы этого не будете делать». Договор заключен. Теперь я буду учиться у вас, пока не пойму, что мне нужно от этого учения. Такая система обучения ни в малейшей степени не похожа на традиционную, когда отец говорит сыну: «Тебе пора учиться играть на скрипке, потому что я начал учиться этому, когда мне было семь. А эти занятия будут тебе полезны. Да и в математике помогут».

Встречая своего учителя, вы инстинктивно тянетесь к нему - ведь вы понимаете: он знает то, что хотите узнать вы. Но о каком умении ни шла бы речь, ответственное отношение к обучению и наставнику предполагает наличие дисциплины.

Это дисциплина, которая естественным образом возникает из взаимодействия глубокого интереса ученика и любви мастера к своему делу. Желание учиться порождает энтузиазм, преданность, целеустремленность, на которых строятся отношения с мастером. Если же ученик не имеет такого желания, то настоящий мастер не станет тратить на него свое время, поскольку ученик еще не созрел, не проявляет энтузиазма, не настроен, не понимает своих собственных потребностей в данном знании.

Мастер, в свою очередь, должен быть настоящим мастером, а не шарлатаном. Он просто обязан жить в любви к своему искусству, ремеслу или науке. И он должен быть убежден, что энтузиазм ученика - это второй полюс, благодаря которому происходит обучение. Отношения между учеником и мастером не опираются на власть и подчинение.

Это отношения сотрудничества, в которых человеческие знания, мастерство и мудрость передаются как негасимое пламя из поколения в поколение. Этим пламенем нельзя завладеть, его нельзя создать или контролировать в одиночку.

Такая передача мастерства и мудрости может происходить при посредстве личности, книги или каких-либо событий. Музыка, стихи, заход солнца - это может быть все что угодно, если оно связано с согласованием внутреннего и внешнего, с неким электрическим током, превращающим меня прежнего в меня сегодняшнего. Теперь я - хранитель этого огня, я всегда готов передать его, если представится возможность. Живя в радости познания нового, мы все становимся подмастерьями и наставниками, волшебниками и учениками.

Если вы чувствуете в себе стремление чему-то выучиться, если вы обладаете способностью идти к своей цели, невзирая на препятствия, то вас ничто не остановит - вы найдете мастера или наставника. И если этот мастер понимает различия между насаждением знания и учением, то вы сможете учиться. Как поступают истинные мастера? Они учат вас тому, что им известно, а потом выгоняют вон. «Дело сделано. Ты получил от меня все, что мне известно, - иди!» Они не позволяют вам остаться в прежней структуре отношений. Ведь невозможно до конца оценить то, чему вас научили, не выйдя из тени своего учителя и не начав передавать свои знания другим.

Любая учебная среда должна сперва предоставлять доступ к знаниям, а потом - доступ к двери. Одна из главных ошибок, совершаемых в большинстве школ, состоит в том, что они дают доступ к информации, информации и еще раз информации. А вот выхода - метафорической двери - там нет. Дети могут учиться, но у них редко бывает пространство для экспериментирования с информацией и превращения ее в знания и мудрость.

Наставничество преподает основы, но, кроме того, оно помогает совершить прорыв. Прорыв способны совершить те, у кого хватает мужества выйти за рамки известного. Но, к сожалению, слишком часто образование ограничивается запоминанием информации и не высекает искры творчества, позволяющей использовать информацию как инструмент. Наставник передает то, что ему уже известно, но он должен быть открыт и тому, что идет следом, быть готовым передать и эту тайну. При наличии интереса ученик быстро постигает основы, и любую учебную среду можно организовать таким образом, чтобы до основ можно было добраться в тот момент, когда это наиболее полезно для ученика.

В отсутствие своего наставника свободный ученик становится исследователем. Он экспериментирует в поисках мастерства, ищет сведения о том, чего достигли другие, взаимодействует с товарищами, разделяющими его энтузиазм. При этом некоторые из них могут питать страсть к шахматам, тригонометрии, художественному литью или китайской поэзии.

Учебное сообщество должно стать перекрестком, с которого можно отправиться к самым разным наставникам. Хочу ли я быть барабанщиком, писателем, инженером или каменщиком, для меня, как и для других учеников, найдется наставник, который будет работать с группой энтузиастов. Разумеется, если я захочу научиться мастерству каменщика самостоятельно, то я буду экспериментировать с грудой кирпичей и раствором. Вероятно, у меня получится кривая стена, но зато я узнаю кое-что об экспериментировании и учебе.

Заинтересованные ученики могут вместе организовать класс. Это можно сделать даже традиционным способом, пригласив учителя или лектора - требовательного и сурового. Но обеспечивать учебный процесс все равно будет не что иное, как энтузиазм учеников. Их интерес даже традиционную дидактическую форму способен превратить в нечто жизненное и волшебное.

Наставнику не обязательно быть волшебником, но ему нужно понимать этот интерес к обучению. Мастерство наставника состоит в том, чтобы помочь ученику открыть в себе энтузиазм, который и является залогом подлинного обучения. '!'-Создание учебных сообществ

Живая школа

Свободный диалог - вот что может оказаться одним из самых эффективных способов исследования угрожающего обществу кризиса, равно как и всей человеческой природы и сегодняшнего сознания. Более того, может выясниться, что эта форма свободного обмена идеями как нельзя лучше подходит для преобразования цивилизации и излечения ее от тех опасных заблуждений, которые мешают проявлению творческого потенциала.

Дэвид Бом

Вместо того, чтобы мириться с возрастающей централизацией образования, нам следовало бы попытаться настоять на том, чтобы наши дети обучались непосредственно в среде своего обитания.

Детям вовсе не обязательно куда-то ехать, чтобы учиться. Они всему учатся там, где находятся, - дома, в кругу друзей или соседей. Их школой мог бы стать этот дом и этот круг - вся совокупность доступных им домов, рабочих мест, предприятий и общественных заведений. Нужно только, чтобы родители и другие члены общества сделали из этих домов нечто большее, чем прибежища для сна и еды, а круг общения превратили бы в способ проявления отношений, а не только поле деятельности. Иными словами, требуется совсем немного: полностью изменить наше общество, его ценности и структуру.

На самом деле это не так уж невозможно, как кажется на первый взгляд. И у нас есть мотив, чтобы сделать это. Мы любим наших детей и желаем для них всего самого лучшего. И большинство из нас ничего не имели бы против того, чтобы реализоваться самим.

Чтобы научить детей мыслить смело, творить и реализовывать себя, мы должны все это делать сами. Мы должны рассмотреть повнимательней все стороны нашей жизни, чтобы понять, какие из них служат выражению человеческого потенциала, а какие - лишь привычке к надежности и определенности. Мы должны организовать учебные сообщества не только для детей, но и для всех нас: живые школы, способные чутко откликаться на наши проблемы и потребности. Давайте откажемся не только от расовых, межполовых или классовых, но и от возрастных барьеров, чтобы все люди от младенцев до стариков могли делиться своим опытом без ограничений. Давайте расширять свое представление о жизни, включая в нее не только понятия «я» и «мое», но и «вы» и «ваше», превращая отдельные грани жизни каждого из нас в единый бриллиант нашей общей жизни.

Производительность труда и счастье

Не совершила ли природа фундаментальной ошибки, создав ребенка, который неизменно тратит большую часть своего времени на явно непродуктивную и даже противоречащую принципам выживания деятельность - фантазии, выдумки и игры?

Джозеф Хилтон Пирс

Мы хорошо знаем свои роли и обязанности по отношению к детям. Ежедневно мы отсылаем их подальше от себя учиться жить так, как живем мы. Безусловно, по собственной воле они бы этого делать не стали, да и мы вряд ли решились бы на такое, если бы нам Предварительно не внушили, что это необходимо. Мы не смогли бы дойти до той жизни, которой живем сегодня, не пройдя сквозь жернова системы образования, которая должным образом нас «подготовила», уничтожив нашу способность творить.

Дети не расположены к эмоционально ущербной жизни. Они с самого раннего возраста соприкасаются с тем, что живо, непринужденно и не стеснено страхом. Но эта

энергия ребенка не имеет ничего общего с почитаемой обществом столь важной способностью производить товары и услуги. Если машины можно собирать на конвейере, то и учеников можно обучать по конвейерной системе. Наше общество преклоняется перед эффективностью конвейера, его авто-матизированностью, его неутомимостью. Это божок, которого нужно ублажать, иначе он прекратит нас обеспечивать.

Время от времени мы все-таки задумываемся о жизни, которую ведем. Мы просыпаемся среди ночи и мучаемся вопросом о смысле жизни и своем месте в мире. В такие моменты мы осознаем, что конвейеры, автоматизированные фермы и повальная компьютеризация сами по себе не приносят счастья. Они были созданы для повышения производительности, но не для благополучия.

Но тут мы слышим собственный голос, как будто обращенный к нам из другого измерения: «Ну, пора отправлять детишек в школу на этом желтеньком автобусе. Пока, ребятки. Да, так о чем это я? Ах да, я еду на работу, потому что настало время выдавать продукт на-гора. А что до вопросов о счастье, то с ними придется подождать - я очень занят».

Промышленность знает, что должна способствовать счастью своих рабочих: она несет убытки из-за прогулов, текучести рабочей силы, больничных и еще бог знает чего. Депрессия и гиперактивность, разводы, домашнее насилие и жестокое обращение с детьми приобрели характер эпидемий. Армии консультантов дают советы, как создать впечатление, будто все мы связаны человеческими отношениями. Но в действительности у нас есть лишь иллюзия близости, а вместо реальности - телевидение, которое приглашает нас сопереживать людям, борющимся за «выживание», пока над ними висит вертолет с телекамерой. И миллионы из нас считают, что это действительно человеческие отношения.

В организациях теперь есть психологи, которые помогают сотрудникам устанавливать контакты друг с другом. А если у вас все равно ничего не получается, то к вашим услугам психотропные вещества, благодаря которым можно почувствовать себя счастливым, независимо от того, счастливы вы или нет. И даже когда мы несчастны, мы смотрим на это сквозь пальцы, потому что очень трудно пробраться сквозь все эти синтетические слои, чтобы сказать, *что* мы такое на самом деле. Да и какая разница - нам ведь пора отправляться на работу, пора сажать детей в школьный автобус. Мы очень заняты. Таков наш мир, таким мы его создали.

Существует ли альтернатива этому миру? Что представляет собой это «нечто иное», которое мы могли бы построить? Или оставить все как есть? Солнце встает на востоке и садится на западе. Так устроен мир. Приходит школьный автобус, в него садится ребенок, мы отправляемся на работу. Так устроен мир, он не может быть устроен иначе.

Может ли быть по-другому? Если я не посажу своих детей в школьный автобус, у меня возникнут проблемы. Сейчас они дома, а я уезжаю на работу. Что, если я не поеду на работу? У меня возникнут проблемы. Домовладелец выкинет меня на улицу. Теперь я бездомный, а у меня дети. Что мне делать? Таковы обличья страха, возникающего, как только мы пытаемся искать альтернативный путь. Но насколько оправдан этот страх?

Существует ли другой способ решения наших проблем? Не могли бы мы сотрудничать друг с другом? Нельзя ли сделать так, чтобы на работу отправлялось меньшее количество людей, а те, кто высвободился, занимались детьми?

А не могли бы мы работать совместно? Не могли бы мы скооперироваться? Не могли бы мы заниматься делами дома? Можете вы представить себе мир, в котором люди и в самом деле живут и работают рука об руку, а дети живут вместе с ними, учатся вместе с ними, работают вместе с ними? Способны ли вы представить себе такое?

Не считайте производительность труда единственным мерилем жизни. Попробуйте

оценить жизнь с точки зрения дружелюбия и счастья. Представьте себе целостное, устойчивое общество, которое включает в себя несколько поколений. Какова будет «цена» пресловутой производительности труда, эффективности и выгоды с точки зрения счастья ныне живущих и их потомков? Нельзя же, к примеру, атомную станцию рассматривать только с точки зрения получения дешевого электричества. Необходимо разобраться, во что обойдется ее закрытие и каковы будут затраты, если она взорвется. Разве мы не способны рассмотреть всю картину в целом?

Что случится, если мы попробуем относиться к жизни по-новому? Вероятно, поначалу мы просто испугаемся. Мы ведь знаем мир прежний, а чтобы узнать новый, нужно сначала шагнуть в него, а это нас пугает.

Что преобладает в нашей жизни - страх или любопытство? Какая потребность сильнее - исследовать или быть в безопасности? По существу, этот вопрос преследует нас каждый день: когда мы отправляемся на работу, когда сажаем детей в школьный автобус, когда мы живем той жизнью, которая ведет к катастрофе нас и окружающий мир. Задаваясь вопросом о полноценной жизни и целостном образовании, мы сталкиваемся с проблемой своего страха.

Страх перед неизвестностью - вот что ограничивает наши творческие способности, мешает нам и нашим детям жить счастливой жизнью.

Но нельзя ли создать альтернативную учебную среду, не углубляясь в вопрос о смысле жизни? Вот если бы наша жизнь, оставаясь тем же механическим процессом, которым она является сегодня, породила бы школу, основанную на других принципах! Если бы мы могли отправить наших детей в такое место, где хотя бы они будут свободны, раз уж не свободны мы сами! Но возможно ли создать такое место, где дети будут раскованны, если не раскованны наши семьи, наше общество и наш мир?

Мы могли бы создать школу, где дети сами будут решать, что им изучать, школу, которая будет управляться демократически, а не иерархически, школу, где обучение будет новаторским, экспериментальным, без искусственного разделения детей по способностям или возрасту. Но только вопрос образования затрагивает проблемы куда более глубокие, чем структура школы.

Не должна ли такая школа постоянно обращаться ко всей жизни детей? Не должна ли она затрагивать и родителей, готовых жить целостной жизнью? Не должна ли она привлекать и другие институты, способствуя созданию новой модели семьи, общества, рабочего места и социальной организации? Ведь если мы не реализуем такую возможность в своей жизни, то мы не вправе ожидать этого и от наших детей. Разве смогут они научиться жить по-новому, если мы сами не живем по-новому? Вряд ли возможно создать целостное пространство в рамках пространства фрагментированного.

Наш педагогический энтузиазм и любовь к детям могли бы стать катализатором нового, свободного от страха отношения к жизни и обучению. Мы могли бы создать учебную среду, которая не будет насаждать определенных образов восприятия мира, а просто позволит детям свободно познавать мир. Ребенок, который выучится таким образом, быть может, и не перевернет мир, но его жизнь, по крайней мере, не будет полна наших страхов.

Альтернативная семья

Наша школа была не столько собственно школой, сколько домом для детей. Мы организовали для них место, где витающая в воздухе культура могла впитываться без каких-либо прямых наставлений со стороны.

Мария Монтессори

Многие социальные проблемы нашего общества начинаются с разрушения семьи. Сплошь и рядом семьи разваливаются, браки кончаются разводами, родители женятся и выходят замуж повторно, смешивая осколки одной семьи с осколками другой. А быстрые изменения в обществе и всеобщая мобильность способствуют тому, что многие семьи оказываются разбросаны в пространстве и времени, теряя свое единство и смысл. Мало кто сомневается, что эти изменения в социальной организации усугубляют стресс в жизни детей. Такая ситуация сама подталкивает нас пересмотреть свой взгляд на семью и задуматься о создании новых структур, основанных не на биологической связи, а на общих целях, сопричастности и близости.

Это был бы эксперимент, достойный проведения: создать новую разновидность семьи - основанную на взаимной поддержке группу детей и взрослых, живущих бок о бок, которые в силу своей увлеченности и общих целей творили бы жизнь, обладающую всеми преимуществами жизни семейной.

Нередко разрушение брака означает воспитание ребенка в неполной семье со всеми вытекающими отсюда последствиями, такими, как недостаток средств к существованию, внимания и уверенности в завтрашнем дне. Так нельзя ли создать общество совместно проживающих одиноких родителей, увлеченных идеей воспитания детей? Пусть они образуют совместное хозяйство, члены которого поддерживали бы друг друга в повседневной жизни. Разве не могут отдельные личности заключить договор о взаимоподдержке, выходящий за рамки исторических форм брака? Разве не могут дети и взрослые ужиться на одном участке земли или в одном здании, чтобы стать друг другу дядьями и тетками, племянниками и племянницами, родителями, бабушками, дедушками и детьми - то есть семьей во всех смыслах, кроме биологического?

Неужели мы не можем завязывать по-настоящему близких взаимоотношений, если у нас нет общих генов? Конечно, мы делаем это, но только в особых случаях. Мы поступаем так ради продолжения рода, когда вступаем в брак. Мы пренебрегаем отсутствием общих генов в случае усыновления или удочерения, но только тогда, когда отказывает механизм размножения. Неужели этого требует биология - чтобы мы подчинялись эгоизму гена? Разумен ли этот ген в своих требованиях?

Не будет ли нашим детям лучше в семье, объединенной общими целями, если уж биологическая семья отсутствует? И, может быть, такие семьи способны дополнять друг друга? Не будет ли лучше нам самим, если мы станем делить с другими людьми трудности жизни, если будем помогать друг другу, если будем жить в дружественной общинной среде?

Неужели культурная традиция и стремление сохранить привычный (статус-кво) настолько сильны, что не позволят нам разумным образом организовываться в некие симбио-добные группировки? Неужели это так уж необычно, так эксцентрично и страшно? Что мешает нам заботиться! друг о друге и придавать этой заботе новые формы?

Изоляция, одиночество, виртуальные отношения по телефону и электронной почте, мимолетные посещения родственников - зачем безропотно соглашаться с таким вариантом «семейной жизни», который все настойчивей навязывает нам наша цивилизация? Не лучше ли найти людей которые разделят наши представления о целостной Жизни и будут вместе с нами добиваться того, что необходимо нам и нашим детям, внимательно прислушиваясь друг к другу. Совместными усилиями мы можем создавать такие Альтернативные семьи любого размера и любой возрастной структуры. Они воплотят наши представления о том, что для нас важнее всего, - о заботе, поддержке и воспитании лучшего что заложено в человеке.

Надежная семья - будь то обычная, альтернативная или комбинированная - сможет принести нашим детям больше свободного бремени, больше заботы, больше любви. Если мы попытаемся дать своим детям семью, тщательно задуманную и сконструированную в целях их благополучия, не реализуем ли мы тем самым и свои самые сокровенные чаяния и

надежды? Ведь в такой семье мы сможем найти основу для целенаправленной жизни - жизни, исполненной творчества и детской любознательности.

Живые сообщества

Пожалуй, самый страшный призрак, преследующий работающих людей, - это запланированное устаревание человека, являющееся частью запланированного устаревания производимых им вещей.

Стаде Теркел

Стремление к безопасности и контролю над происходящим - одно из естественных человеческих свойств. Но в нашем перегруженном, перевозбужденном и склонном к подавлению мире жажда безопасности и уединения стала чуть ли не символом социальной удовлетворенности. Наш мир превратился в мир оторванности и изоляции.

Мы можем годами жить по соседству с человеком и ни разу с ним не встретиться. Физическое пространство нашего пригородного жилья позволяет нам жить в изолированном мире, в который другим нет доступа. О том, что происходит снаружи, мы узнаем по телевизору или из окна, выходящего в наш дворик. Живя в пригороде, мы и шагу не сделаем без машины. Ходим же только в том случае, если нужно выгулять собаку или стоянка у магазина так забита, что приходится ставить машину поодаль. Ну а в городе качество жизни постоянно ухудшается из-за снижения безопасности, роста шумов и загрязнения окружающей среды. Увы, наша жизнь настолько связана с производством, мобильностью и скоростью, что жилище для нас - это место, где можно побыть одному, отдохнуть, набраться сил для нового дня и для зарабатывания следующего доллара.

Такая жизнь разделяет, а нам-то нужно совсем другое. Поэтому мы начинаем создавать соседские сообщества, в которых человек, сохраняя возможность оставаться наедине с самим собой, получает условия для полноценного общения. В пригородных зонах появляются крылечки у дверей домов, боковые улочки, маленькие парки и прогулочные тропинки. В городах возникают многофункциональные пространства, предназначенные и для работы, и для проживания, которые помогают разгрузить городской центр. Автомобили понемногу уступают место другим транспортным средствам - экологически более чистым и ориентированным на нужды людей. Даже виртуальный мир Интернета породил киберсообщества, которые объединяют людей с общими интересами, выходя за границы пространства и времени.

В авангарде этого движения к новому общинному бытию находятся те, кто понимает, какую важную роль играют качество жизни каждого человека, личные взаимоотношения, возможность самовыражения, восприимчивость, любовь и доброта. Эти ценности невозможно превратить в товар, выставить на рынок и продать, хотя люди неоднократно пытались это сделать. Они являются неотъемлемыми составляющими жизни, озаренной светом сопричастности, энтузиазма и любознательности. Ценности эти приходят к нам естественным образом, но только тогда, когда мы избавляемся от одержимости материальным.

Нашим детям хорошо знакомы эти стороны общинной жизни, как были они когда-то знакомы и нам. Но многие из нас почему-то решили, что все это должно быть нам доступно не сразу, а только если мы как следует поработаем над своей духовностью, над своим исцелением. Наверное, это все та же идеология стяжательства и материализма, поиск прибежища в духовном самолюбовании, которое никогда не выходит за пределы своих ограниченных потребностей.

В действительности нам почти ничего не нужно делать для того, чтобы вернуться к

райской жизни, в которой мы все будем тесно взаимосвязаны. Достаточно только отдать должное всему тому, что нас окружает: знакомству с соседом, которым мы пренебрегали раньше; чашечке чая, насладиться которой у нас не хватало времени; книге, которую мы так и не дочитали; помощи, которую мы кому-то не оказали; конфликту, который мы не разрешили; путешествию, которое мы давно мечтали совершить. Чтобы открыть для себя новую яркую жизнь, полную радости и энтузиазма, больше ничего и не нужно: просто дать передышку своим перегруженным заботами головам, просто больше полагаться на стихию наших сердец в каждый момент бытия. Тогда-то мы и поймем, насколько тесно мы все связаны друг с другом.

По мере пробуждения к этой жизни каждый из нас будет все больше нуждаться и во внешних структурах, отражающих и ее размеренность, и ее насыщенность. Эти структуры уже возникают, но не в том формальном обществе, в котором мы обитаем, а в сообществе, образованном нашими отношениями, - живом сообществе, благодаря которому мы живем, реализуя самые глубокие составляющие человеческого потенциала.

Живое сообщество *уже* имеется везде, где есть мы, - на тихой захолустной улочке, в современном небоскребе и даже в худших образчиках крепостной архитектуры наших городов. Живое сообщество - это провозглашение того, что если я живу полноценной жизнью, то отпечаток этого будет лежать на всем, к чему я прикоснусь.

Живое сообщество - это основа человеческой общности, которая, подобно электричеству, пронизывает все социальные структуры. Это общее пространство нашей совместной жизни и, одновременно, потенциал для еще большей -интеграции,""творчества и сопереживания. Это наши жизненные соки, потому что это и есть наша жизнь. Отделиться от него - значит отделиться от себя, лишиться своей собственной целостности.

Нашим детям нужно нечто большее, чем просто дом и семья. Им нужно сообщество, из которого они смогут выйти в большой мир и в которое они снова и снова будут возвращаться - возможно, для того, чтобы остаться и жить в нем, а может, чтобы «причаститься» этой жизнью и снова уйти в большой мир. Ребенку не нужно место, где в близких домах стоит безликая мебель, ему нужно живое сообщество. А это уже не просто место. Это еще и вся совокупность потенциалов отношений, существующих в данном месте. Только такое сообщество является живым - в нем общественные структуры поддерживают любознательность, творчество, энтузиазм. Дороги там ведут не просто к какому-то месту, а, обязательно, к открытию. Дома там построены не для того, чтобы защищать, а для того, чтобы объединять людей. Тамошняя архитектура не разделяет производство, творчество, жизнь и обучение, а соединяет их в формы, отражающие самые глубокие людские чаяния.

Мы не сможем защитить наших детей от обезумевшего мира, создавая для них изолированные дома, как не сможем защитить их от стравленной пищи, запрещая есть. Дети «поглощают» сообщество так же, как они поглощают пищу. Суррогатная пища и кока-кола кому-то могут показаться едой. Телевизор и Интернет тоже могут показаться сообществом. Может быть, наши дети и обойдутся этими заменителями, но почему бы нам не посвятить свою жизнь тому, чтобы кормить их дарами наших садов и вводить их в живое сообщество?

Жизнь такова, как она есть, и как ее ни называть - «этот безумный, безумный мир» или «эта замечательная жизнь», она останется такой, как есть. Мы не можем защитить наших детей от того, что есть. Реалии жизни всегда прорвутся наружу, невзирая на все наши попытки от них скрыться. Но мир при этом не остается неподвижным. Жизнь - это алхимия, в ней постоянно происходят изменения. Каждый миг чреват превращениями. Мы можем отдавать должное вечной мудрости, требующей воспринимать жизнь такой, как она есть, и в то же время испытывать насущную потребность преобразовывать эту самую жизнь, постоянно углубляя все ее взаимосвязи. Если наше сообщество будет исполнено любви и

творческого энтузиазма, мы наверняка сможем создать мир, пригодный для обитания в нем наших детей, - сообщество, которое объемлет всех нас от мала до велика. Мы вдохнем в него жизнь, и оно станет поистине живым сообществом.

Учебные сообщества

Триумф нашего принудительного монополизированного массового образования состоит в том, что даже среди лучших моих коллег-учителей и лучших родителей моих учеников лишь немногие могут представить себе, что существует какой-либо другой образ действий.

Джон Гато

Когда наши сообщества начинают жить, появляется возможность для нелокализованного обучения. Ведь в живых сообществах работа и игра, жизнь и обучение взаимосвязаны. Школа в ее обычном понимании была бы здесь анахронизмом, совершенно бесполезным в эпоху единства информации и опыта.

Учебное сообщество - это сообщество людей, объединенных целью учить детей и поддерживать постоянную потребность в учении у взрослых. В таком сообществе различия между жизнью и обучением нет. Здесь все понимают, что получение информации в отрыве от опыта бессмысленно, что ребенок, не умеющий сам находить новое, лишен важнейшего жизненного навыка и что обучение, соединенное с реальной жизнью, не сравнимо с механическим зазубриванием школьной программы. Учебное сообщество знает, что каждый человек испытывает потребность в учении на протяжении всей своей жизни. Ведь даже для того, чтобы овладеть одной-единственной профессией, нужно постоянно учиться. Более того, если обучение не является частью всего, с чем мы соприкасаемся, то наша жизнь реализуется не полностью.

Вероятно, острее всех потребность в непрерывном обучении ощущают те предприятия, которым для достижения успеха приходится быть весьма изворотливыми. Поэтому, в то время как большие корпорации нередко обременены устаревшими «безнравственными» структурами, доставшимися в наследство от дня вчерашнего, наиболее передовые компании стараются поддерживать корпоративную культуру, основанную на способности к обучению.

Производственный мир сегодня настолько тесно связан с миром науки, что порой их невозможно отграничить друг от друга. И несмотря на то, что такое положение способствует коррупции, когда финансирование влияет на характер научных исследований, оно служит ярким примером того, какую огромную пользу можно было бы получить от соединения производства и образования.

Большие преуспевающие компании давно убедились, что добровольная совместная работа сотрудников ради блага коллектива - это мощное средство повышения производительности труда. Более того, бизнесмены - порой к своему немалому удивлению - обнаруживают, что слом барьеров между домом и работой, между работой и сообществом, между работой и школой, идет только на пользу делу. Это происходит потому, что люди счастливы, когда они объединены, а счастливый человек работает легко и творчески. Вполне очевидно, что конечной целью любого производства является возможность человеческого счастья. И именно учебное сообщество, сплоченное совместной жизнью, работой и учебой, способно привнести в производство новизну, творчество и эффективность, приблизив тем самым возможность счастья.

Учебное сообщество - это объединение домов и рабочих мест, библиотек и больниц, музеев, университетов, школ, исследовательских учреждений и государственных агентств в постоянно эволюционирующее обучающееся пространство. Внутри такого пространства

ученик может получать доступ ко всему, что ему требуется; проводить независимое исследование или приобретать знания посредством контрактов, ученичества или даже работы в огромной сети учреждений. Такая школа без стен будет не просто копировать имеющиеся структуры жизни, а сама станет жизнью, объединяющей нас друг с другом, с нашими детьми, с нашими стариками. Учебное сообщество - это объединение поколений на основе стремления к обучению, которое не имеет ни начала, ни конца, которое не начинается ни в детстве, ни в каком-либо ином возрасте, но охватывает всю жизнь целиком.

Если ребенок захочет получить доступ в такой образовательный континуум, он должен взять на себя ответственность, обусловленную данной ему свободой, выбрать направление, в котором его подталкивает любопытство, и проявить усилия, которых естественным образом требует от него любознательность. Там, где дети лишены этих качеств, школам, вероятно, придется обзавестись некими «исправительными» структурами, с помощью которых у детей будет заново развиваться или пробуждаться их природный интерес, чтобы дети могли вновь осознать свои жизненные устремления. Такие школы могли бы стать социальными центрами или центрами творческих ресурсов. Школы могли бы стать чем угодно, кроме того, чем они являются сегодня - местами, где у детей «отбивают» интерес к учебе, прививая взамен навык подчиняться, запоминать и повторять. Что касается учителя, то он должен перестать быть надсмотрщиком. Тот учитель, который обнаружит (возможно, к своему глубокому изумлению) собственный интерес к учению, обнаружит и свое призвание: ему будет что демонстрировать, передавать и на что вдохновлять. Учитель станет примером жизни, отданной учению. Он будет готов делиться с другими людьми всех возрастов тем, что уже было открыто, и тем, что исследуется в настоящее время.

Вопреки старой шутке о том, что «те, кто может, - делают, а кто не может - учат», можно сказать, что новый учитель, счастливый учитель, - это тот, кто может и умеет, кто любит то, что делает, и учит на собственном примере. Именно этого и хотят учителя нынешней системы образования: свободы учиться самим, ответственности выбирать свой собственный путь, возможности воспитывать учеников, которые приходят к ним, движимые радостью открытия. Счастливый учитель и счастливый ребенок - это главные звенья системы образования. Подавление естественной потребности передавать знания превращает учителя в этакое школьного робота, еще более угнетенного, чем дети, которым он когда-то хотел помочь. Учебные сообщества - это освобождение учителей в той же мере, что и освобождение детей.

У родителей в учебном сообществе имеется уникальная возможность жить общей с детьми жизнью не только в вечерние часы, когда их одолевает усталость, или время от времени по выходным, но каждый день. Пришел конец тайне исчезающего родителя, который отправляется в какое-то непонятное место, называемое работой. Учебное сообщество, где родители работают и учатся, является тем же сообществом, где учится ребенок и где они все вместе обитают. Сообщество - это объединение места, цели и отношений. Родители создают его, приглашая детей присоединиться к ним в этом созидании. Все вместе они живут единой жизнью, цель которой - воплощение реального счастья.

В учебном сообществе все взрослые играют роль родителей, независимо от того, есть ли у них свои дети. Все понимают, что в человеческом обществе нет ничего более важного, чем забота о ребенке.

Жизнь становится счастливой не за счет накопления удовольствий и материальных благ, а благодаря взаимоотношениям со всеми теми, кто с нами эту жизнь разделяет. В учебном сообществе в условиях свободы и ответственности, когда удовлетворяется любознательность и проявляется творческий потенциал, все мы получаем возможность сохранять свою индивидуальность и одновременно творить наше общее единство.

Не это ли приносит нам удовлетворение и ощущение полноты жизни, наполняет ее добротой и творчеством, дарит способность воплощать свои мечты? Не это ли нужно не

только ребенку, но и каждому из нас? Все мы нуждаемся в том, чтобы наши взаимоотношения учили нас чему-то новому, были исполнены взаимопомощи и любви. И наши дети не устают напоминать нам о том, что, изменив суть обучения, мы отворим свои сердца не только для них, но и друг для друга.

Об авторе

Стивен Гаррисон - автор книг «Вопрос на ответы жизни», «Быть единым», «Ничего неделание» и «Как попасть туда, где вы находитесь». Он - основатель благотворительной организации All Together Now International, которая помогает бездомным детям и беднякам в Южной Азии. Он также является основателем «Живой школы» - учебного сообщества в городе Боулдер, штат Колорадо, где и проживает в настоящее время.